

ЗАВТРА НАЧНЁТСЯ БЕЗ ТЕБЯ

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

18+

Лекарство от одиночества

Алексей Корнелюк

Завтра начнётся без тебя

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Завтра начнётся без тебя / А. Корнелюк — «Автор»,
2026 — (Лекарство от одиночества)

Ты не застрял во времени. Ты застрял в человеке, которым притворяешься. У Ильи обычный четверг: звонок матери, сообщение от начальника, разговор с женщиной, которую он почти потерял, и старый друг, которому стыдно ответить уже третий год. Он снова говорит «да», когда хочет сказать «нет». Снова пишет «всё нормально», хотя внутри давно пахнет пустой больничной палатой. Снова выбирает быть удобным, спокойным, хорошим — кем угодно, только не собой. А потом этот день начинается заново. Та же минута. Те же люди. Те же ловушки. Илья пытается обмануть время, исправить чужие реакции, прожить четверг идеально, но день не отпускает его не за ошибки. Он возвращается снова и снова, пока Илья не понимает: завтра не наступит, пока он продолжает предавать себя в мелочах. Это роман о тревоге, одиночестве и хорошем человеке, который слишком долго притворялся живым.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четверг, который ничего не обещал	5
Глава 2. Всё нормально	11
Глава 3. Маленькая власть над чужими репликами	19
Глава 4. День, прожитый хуже первого	27
Глава 5. Тело, которое он не взял с собой	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Корнелюк

Завтра начнётся без тебя

Глава 1. Четверг, который ничего не обещал

В семь двенадцать утра четверг включился, как старый холодильник: с внутренним шелчком, тихим гулом и ощущением, что ничего хорошего из этого звука уже не получится. Телефон лежал на полу экраном вверх и светил Илье прямо в лицо. Не будильником даже — напоминанием. «Оплатить интернет». В тридцать девять лет человек просыпается не от мечты, не от женской руки на плече, не от предчувствия великого поворота, а от того, что невидимая компания где-то в серверной напоминает: дружок, если ты сегодня не занесёшь шестьсот девяносто рублей, мы отключим тебе связь с миром, хотя, будем честны, связи с миром у тебя и так не сказать чтобы много.

Илья лежал на боку, в той самой позе, в которой засыпают люди, решившие всего на минуту закрыть глаза с телефоном в руке, а потом просыпаются с лицом человека, которого ночь тихо избила подушкой. Шея ныла. Во рту стоял вкус вчерашнего чая и чего-то металлического — как будто он всю ночь грыз монету. За окном висел дождь. Не шёл даже, а висел: мокрая, серая занавеска, которую забыли снять после плохого спектакля. На подоконнике стояла кружка с трещиной. Он уже месяца три собирался её выбросить. Каждый раз мыл, ставил обратно и думал: ну пока живая. Про кружку это звучало почти нежно. Про себя — не очень.

Он поднял телефон. Экран тут же радостно показал жизнь, которая началась без него ещё до того, как он успел сесть на кровати. Денис написал в 6:48: «Илья, привет. Нужно сегодня закрыть презентацию. Там немного поправить, ты же выручишь?» Мать звонила в 6:59. Два раза. Потом написала: «Ты спишь? Позвони, как проснёшься. Ничего страшного». У Марины висело голосовое на сорок две секунды. Голосовое было страшнее текста. Текст можно прочитать одним глазом, пробежать по диагонали, не почувствовать интонацию. Голосовое — это уже человек в комнате, только без тела, и ты не можешь сделать вид, что он не смотрит. От Кирилла ничего нового не было. Последнее сообщение от него стояло внизу переписки, как старый гвоздь в стене: «Ты живой вообще?» Три года назад. Илья почему-то до сих пор не удалил диалог. Видимо, некоторые вещи нужны человеку не для памяти, а для ежедневного маленького самоизбиения.

Он сел, потер лицо ладонями и несколько секунд слушал, как в груди работает сердце. Не быстро. Не смертельно. Просто заметно. Сердце вообще становилось заметным в те периоды, когда Илья слишком долго жил так, будто его нет. Оно начинало стучать громче — не трагически, не красиво, без всякой литературы, а тупо, как сосед по батарее: эй, ты там совсем охренел? Он потянулся к стакану на тумбочке, но воды там не было. Только на дне прилипла маленькая прозрачная пленка, как кожа от вчерашнего намерения заботиться о себе.

В ванной зеркало встретило его лицом, которое он не заказывал. Помятое, серое, с тенью под глазами и волосами, похожими на куст, который всю ночь спорил с ветром и проиграл. Илья открыл кран, умылся холодной водой, посмотрел на себя ещё раз и по привычке сказал вслух:

— Нормально.

Слово упало в раковину, как дохлая муха. Оно давно ничего не значило. «Нормально» у Ильи было универсальной заглушкой. Им можно было закрыть боль, усталость, злость, одиночество, тошноту, страх, желание лечь на пол и не участвовать в этом конкурсе функциональных людей. «Нормально» было не состоянием, а дверцей шкафа, за которую он годами запихивал всё, что не помещалось в образ взрослого адекватного мужчины.

На кухне он включил чайник. Чайник зашумел, будто тоже был недоволен своим местом в жизни. На столе лежали вчерашние крошки, квитанция, ключи, одна таблетка магния без упаковки и блокнот, купленный прошлой весной. Первый лист всё ещё был чистым. Очень дорогой чистый лист. Илья покупал такие вещи в моменты, когда хотел начать жить. Блокноты, ручки, приложения, курсы, удобные лампы, подписки, новые чашки. У него было всё для начала, кроме способности начать. Если бы жизнь можно было прожить через подготовку к жизни, Илья был бы почти бессмертным.

Он налил чай, открыл сообщение Дениса и долго смотрел на фразу «ты же выручишь». Денис всегда писал так, будто Илья уже согласился, а сообщение было просто формальностью, вежливым хлопком по плечу перед тем, как надеть на него ещё один мешок. «Немного поправить» у Дениса означало: разобрать чужую кашу, заново собрать смысл, сделать вид, что это командная работа, и не умереть от желания выйти в окно. Илья знал это. Тело тоже знало. В животе сразу стало плотнее, как будто туда положили мокрое полотенце.

Он набрал: «Денис, сегодня не смогу». Посмотрел. Фраза стояла на экране голая, наглая, опасная. От неё пахло скандалом, увольнением, обидой, разочарованием, тем ужасным воздухом, который возникает, когда хороший человек вдруг перестаёт быть удобной мебелью. Илья представил, как Денис читает это, криво усмехается, потом в общем чате пишет что-нибудь почти невинное: «Коллеги, ну раз Илья сегодня не может, попробуем сами». Потом все поймут, что Илья подвёл. Потом проект уйдёт мимо него. Потом денег станет меньше. Потом Марина скажет: «Ты опять всё усложняешь». Потом мать: «Я же говорила, надо держаться за нормальную работу». Потом он останется один, в квартире с треснувшей кружкой, выключенным интернетом и блокнотом, где так и не появилась первая страница. За восемь секунд мозг провёл его от одного отказа до социального захоронения с оркестром и мокрыми венками.

Он стёр фразу и написал: «Да, конечно. Посмотрю сегодня». Отправил быстро, пока рука не успела стать честнее головы. Почти сразу пришёл ответ: «Спасибо, дружище. Я знал, что на тебя можно рассчитывать». Илья ненавидел эту фразу. Особенно слово «рассчитывать». В нём было что-то бухгалтерское. Как будто его не любили, не ценили, не видели, а просто ставили в нужную ячейку таблицы: Илья — ресурс, доступен, не конфликтует, умеет вывозить.

Чай остыл быстрее, чем он успел его выпить. Мать позвонила снова, когда он натягивал джинсы. Илья посмотрел на экран и испытал обычную смесь нежности, вины и раздражения. Мать звонила так, будто каждый звонок был маленьким экзаменом на сыновнюю пригодность. Не взять трубку — значит, она начнёт волноваться. Взять — значит, волноваться начнёт он.

— Мам, привет.

— Ты проснулся? — спросила она таким тоном, будто он не проснулся, а был найден под завалами.

— Проснулся.

— Я тебе звонила.

— Видел. Я спал.

— В семь утра уже можно и встать. Ты поздно лёг?

— Мам, всё нормально.

Он сам услышал, как быстро достал это слово. Как ключ от подъезда. Как бумажный стаканчик. Как презерватив для разговора, чтобы не заразиться настоящим контактом.

— У тебя голос какой-то, — сказала мать. — Ты не заболел? Сейчас все болеют. У Нины сын переболел, три недели кашлял. Ты витамины пьёшь? Я тебе говорила, надо витамин Д. И давление померяй. У твоего отца тоже сначала всё было нормально, а потом...

— Мам.

— Что мам? Я просто говорю. Ты всё время раздражаешься, когда я забочусь.

Илья закрыл глаза. Внутри поднялась злая маленькая волна. Не на мать даже. На то, что он опять стоял в ванной с одной штаниной до конца не натянутой и оправдывался за собственный голос.

— Я не раздражаюсь. Всё нормально.

— Вот опять. Если нормально, чего таким тоном?

Он хотел сказать: потому что ты за тридцать секунд превратила моё утро в медицинскую комиссию. Хотел сказать: мне не нужен витамин Д, мне нужно, чтобы кто-нибудь однажды спросил, как я, и выдержал ответ дольше двух секунд. Хотел сказать: я устал быть твоим проектом по предотвращению катастрофы. Но он посмотрел на своё отражение в зеркале, на незастёгнутые джинсы, на зубную пасту у раковины и сказал:

— Я потом наберу, ладно? Опаздываю.

— Конечно, конечно. Потом так потом. Я же не мешаю. Просто мать позвонила.

Вот это «просто мать» было не фразой, а маленькой гранатой. Без осколков, но с дымом. Илья пообещал позвонить вечером, хотя знал, что вечером ему не захочется. Мать сказала: «Не забудь поесть». Он сказал: «Ага». Она сказала: «И не нервничай». Он чуть не рассмеялся. Это было примерно как сказать утопающему: «И не мокни».

На улице дождь стал мельче и противнее. Не капли, а влажная пыль. Город выглядел так, будто его всю ночь стирали в машинке на неправильном режиме. Люди шли к метро с одинаковыми лицами: каждый нёс в себе маленький частный конец света, но сверху была куртка, шарф и способность прикладывать карту к турникету. Илья купил кофе в киоске, хотя дома пил чай. Кофе был плохой, кислый, в бумажном стакане с нарисованной улыбкой. Улыбка на стакане бесила. Сейчас даже картон умел изображать настроение лучше него.

У метро мальчик лет шести стоял под козырьком и рисовал пальцем на запотевшем стекле витрины странного зверя. Зверь был похож на собаку, птицу и налоговую декларацию одновременно. Рядом женщина, вероятно мать, говорила кому-то в телефон:

— Не, он опять ерундой занимается. Сейчас в сад опоздаем.

Мальчик быстро стёр зверя рукавом. Так быстро, будто его поймали за чем-то неприличным. Илья почему-то остановился. У него внутри что-то дёрнулось, маленькое и старое. Не воспоминание даже, а мышца. Он смотрел на чистое мутное стекло, где только что был уродливый прекрасный зверь, и хотел сказать мальчику: не стирай. Пусть живёт. Мало ли кто из нас ерунда. Но женщина уже потянула ребёнка за руку, мальчик пошёл, не сопротивляясь, и только обернулся на витрину так, будто оставил там кого-то маленького.

Илья постоял ещё секунду, почувствовал себя идиотом и пошёл в метро.

День дальше катился по привычной колее, как тележка в супермаркете с кривым колесом. Работа распахнулась перед ним кучей писем, чужих правок, вежливых просьб и невежливых сроков. Денис влетел в чат ближе к полудню: «Илюх, там всё несложно, я тебе накидал комментарии». Комментариев было тридцать семь. Некоторые противоречили друг другу. Один звучал так: «Сделать более человечно, но без эмоций». Илья перечитал его три раза и решил, что это, возможно, девиз всей его жизни.

Марина позвонила в обед. Он смотрел на экран, пока телефон вибрировал на столе, как пойманное насекомое. Ответить не успел или не захотел — между этими двумя вещами у него давно была прекрасная, удобная, грязная серая зона. Потом пришло сообщение: «Илья, нам правда надо поговорить. Не исчезай хотя бы сегодня». Он сразу начал печатать: «Я не исчезаю». Стер. Потому что исчезал. Потом: «Завал на работе, вечером напишу». Стер. Потому что это была правда, использованная как ложь. Потом написал: «Давай вечером». Отправил. Через минуту она ответила: «Ты каждый раз так пишешь». Илья положил телефон экраном вниз, будто это могло остановить реальность.

Кирилла он увидел случайно. На самом деле не Кирилла, а человека в похожей куртке у перехода. Сердце неприятно прыгнуло вниз. Мужчина обернулся — не он. Илья выдохнул

с облегчением и сразу почувствовал гадливость к этому облегчению. Старый друг стал для него чем-то вроде налоговой проверки: вроде ничего преступного, но лучше бы не сегодня. Когда-то они могли сидеть на кухне до четырёх утра и обсуждать, почему все вокруг живут неправильно, а они вот-вот начнут. Кирилл смеялся громко, некрасиво, откидывая голову, и всегда покупал самые дешёвые мандарины, потому что «дорогие слишком уверены в себе». Потом жизнь стала взрослой. Илья отвечал реже. Потом совсем редко. Потом написал длинный мысленный ответ, такой хороший, что реальный уже не имел шансов. Стыд у него был аккуратным, хозяйственным: если что-то испортил, он не пытался чинить, а накрывал сверху новой тряпкой.

К вечеру презентация Дениса пожрала всё, что оставалось от дня. Илья сидел перед экраном, менял местами слова, двигал блоки, правил чужую уверенность, подгонял смысл под красивую картинку. В девять сорок Денис написал: «Ты гений. Я бы без тебя утонул». Илья посмотрел на эту фразу и не почувствовал ничего, кроме усталости и обиды. Утонул бы. Ну и утонул бы, Денис. Хоть кто-нибудь, кроме меня, мог бы сегодня попробовать воду.

Он не написал этого. Он поставил улыбающийся значок. Не просто хороший человек, а хороший человек с сервисным обслуживанием.

Марина ждала его в маленьком кафе у дома. Он всё-таки дошёл, хотя хотел отменить. Она сидела у окна, в сером свитере, волосы собраны, лицо спокойное — опасно спокойное. У женщин бывает такой вид, когда они уже накричались внутри и теперь просто ждут, как мужчина сам принесёт себя к месту казни. На столе перед ней стоял чай. Вторую чашку она не заказала.

— Привет, — сказал Илья.

— Привет.

Он сел. Официант подошёл слишком быстро, как свидетель. Илья заказал чёрный чай, хотя хотел кофе, потому что Марина когда-то сказала, что вечером ему лучше не пить кофе, он потом плохо спит. Это было три года назад. Она уже давно не следила за его сном, а он всё ещё исполнял старую заботу, как дурацкий ритуал вымершей религии.

— Я устала, Илья, — сказала она.

Он кивнул. Это было безопасное движение. Кивать можно почти на всё.

— Я понимаю.

— Нет, — Марина посмотрела на него. — Ты не понимаешь. Ты очень хорошо изображаешь понимание. У тебя лицо становится такое... приличное. Будто ты на родительском собрании собственной жизни.

Он усмехнулся, но плохо. Усмешка отвалилась на полпути.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Вот в этом и проблема. Ты всё время пытаешься угадать, что надо сказать. А я уже не хочу жить с человеком, который угадывает правильные реплики. Я не экзаменатор, Илья.

Он почувствовал, как внутри включается знакомая защита: обидеться, устать, стать благородным, сказать «я тебя услышал», отпустить её красиво, а потом три месяца ненавидеть за то, что она не оценила его великодушие. Всё это было уже готово, лежало на внутренней полке, выглаженное, как белая рубашка для похорон.

— Я просто не хочу ругаться, — сказал он.

— А я не хочу ругаться с пустым местом.

Фраза попала точно. Не громко. Без крови. Но туда, где у него давно была дыра, прикрытая словом «нормально». Он посмотрел в окно. На улице отражались фары, мокрый асфальт, люди с пакетами, жизнь, которая спокойно шла мимо их столика и не собиралась делать паузу ради его внутренней драматургии.

— Я стараюсь, — сказал он тихо.

Марина закрыла глаза. Не от боли даже. От усталости слышать эту фразу.

— Ты стараешься быть хорошим. Это не то же самое, что быть рядом.

Он хотел возразить. Хотел перечислить: как встречал её ночью, как молчал, когда она была резкой, как уступал, как помогал, как не давил, как терпел. В голове даже открылся список. Длинный, подробный, с датами и невидимыми чеками. И от этого стало противно. Потому что список действительно был. Он носил его в себе, как бухгалтерию любви. Вот тут я промолчал — плюс один. Тут поддержал — плюс два. Тут не сказал, что мне больно, — плюс десять, премия за выдержку. И где, спрашивается, оплата? Где нежность, где благодарность, где гарантия, что меня не бросят?

Он ничего этого не сказал. Вместо этого произнёс:

— Я не знаю, как по-другому.

Марина посмотрела на него уже мягче. И это было хуже. Злость хотя бы держит человека на расстоянии. Мягкость подпускает к правде.

— Я тоже не знаю, — сказала она. — Но я не могу больше быть местом, где ты прячешься от себя.

Они молчали. Принесли чай. Илья держал чашку двумя руками, как маленький костёр. Ему хотелось, чтобы она сказала: ладно, давай попробуем, я вижу, тебе тяжело. Хотелось, чтобы кто-нибудь наконец наградил его за то, что он так долго не шумел. Но Марина допила свой чай, надела пальто и сказала:

— Я поеду. Не пиши мне сегодня красивое сообщение. Пожалуйста. Если захочешь что-то сказать — скажи потом. Не красиво. Честно.

Она ушла. Очень спокойно. Не хлопнула дверь, не обернулась, не дала ему драматический кадр, в котором можно было бы почувствовать себя героем печального фильма. Просто ушла под дождь, раскрыла зонт и растворилась среди людей, у которых были свои четверги, свои трещины, свои неоплаченные счета за нежность.

Дома Илья сел за стол и открыл ноутбук. На экране всё ещё была презентация Дениса. Красивый слайд с фразой: «Будущее начинается сегодня». Илья рассмеялся. Смех вышел короткий и мерзкий. Будущее, конечно, начиналось сегодня. Только не у него. У него сегодня начиналось вчера, позавчера и все предыдущие дни, в которых он просыпался, отвечал, соглашался, сглатывал, улыбался, переносил себя на потом.

Он открыл переписку с Кириллом. Палец завис над полем ввода. «Привет. Давно не общались». Ужасно. Как объявление о продаже шкафа. «Кир, я знаю, что пропал...» Уже лучше, но дальше начиналась трясина объяснений. Он набрал: «Ты живой вообще?» — ту же фразу, которую Кирилл когда-то написал ему. Посмотрел и стёр. Это было бы слишком красиво. Марина же просила не красиво. Он отложил телефон. Потом, решил он. Не сегодня. Сегодня уже и так перебор.

Перед сном он всё-таки допил холодный чай из треснувшей кружки. Интернет оплатил. Мать не перезвонил. Денису отправил финальную версию. Марине не написал. Кириллу не написал. Себе тоже.

Он лёг в кровать в 00:43. В груди было пусто и шумно, как на вокзале после последней электрички. Он закрыл глаза и вдруг подумал, что день прошёл без единого большого преступления. Он никого не ударил, не предал открыто, не украл, не разрушил дом, не бросил ребёнка на морозе. Он просто снова прожил день так, будто его самого можно не звать. Так незаметно человек и исчезает, наверное. Не в один плохой вечер, не в катастрофе, не под сирену скорой. А в маленьких вежливых уступках. В словах «да, конечно». В сообщениях «вечером отвечу». В «всё нормально». В привычке быть хорошим там, где надо было быть живым.

С этой мыслью он провалился в сон.

В семь двенадцать утра телефон снова лежал на полу экраном вверх и светил ему прямо в лицо.

«Оплатить интернет».

Илья открыл глаза.

За окном висел тот же дождь. На подоконнике стояла та же кружка с трещиной. В комнате пахло тем же вчерашним чаем и мокрой пылью. Телефон дрогнул в руке.

Денис написал в 6:48: «Илья, привет. Нужно сегодня закрыть презентацию. Там немного поправить, ты же выручишь?»

Мать звонила в 6:59.

Марина прислала голосовое на сорок две секунды.

Илья сел в кровати очень медленно. Так садятся люди, которые ещё не решили, умерли они или просто наконец заметили, как выглядит их жизнь.

На экране было четверг.

Снова четверг.

Глава 2. Всё нормально

Илья сидел на кровати и смотрел на телефон так, будто это была не техника, а дохлая птица, залетевшая ночью в квартиру и умершая у него на полу. Экран светился тихо, нагло, спокойно. «Оплатить интернет». Ниже — четверг. Та же дата. Семь двенадцать. За окном висел тот же дождь, та же серая тряпка между домами и небом, тот же мутный свет, от которого лица в зеркале становятся похожими на фотографии людей, которых ищут родственники. На подоконнике стояла та же кружка с трещиной. Илья помнил, что вчера вечером допил из неё холодный чай. Помнил, как поставил в раковину. Помнил даже отвратительный коричневый след на дне, похожий на засохшее озеро в плохом учебнике географии. Теперь кружка снова стояла на подоконнике, чистая снаружи, пустая внутри, с трещиной у ручки, ровно там, где она стояла вчера утром.

Он осторожно протянул руку и взял телефон, словно тот мог укусить. Денис написал в 6:48. Слово в слово. «Илья, привет. Нужно сегодня закрыть презентацию. Там немного поправить, ты же выручишь?» Мать звонила в 6:59. Два раза. «Ты спишь? Позвони, как проснёшься. Ничего страшного». У Марины голосовое на сорок две секунды. В переписке с Кириллом — старый гвоздь: «Ты живой вообще?» Всё стояло на своих местах. Мир был аккуратен, как бухгалтер, которому плевать на твою душевную организацию.

Илья нажал на календарь. Четверг. Нажал ещё раз, будто от повторного нажатия реальность могла смутиться и признаться в ошибке. Четверг. Он открыл новости. Там была та же мерзкая подборка: где-то кого-то назначили, где-то кто-то опроверг слухи, где-то специалисты объяснили, почему всем опять надо потерпеть. Вчера он читал заголовок про депутата, который «призвал не драматизировать рост цен». Этот заголовок был на месте. Даже фотография депутата была та же: лицо человека, который никогда не покупал помидоры на последние деньги, но готов научить тебя благодарности.

— Так, — сказал Илья.

Голос прозвучал чужим. Хриплым. Неуверенным. Как будто в комнате был ещё кто-то, и этот кто-то хотел, чтобы Илья не паниковал, потому что паника портит мебель.

Он встал. Ноги коснулись пола. Доска под правой пяткой тихо скрипнула. Вчера скрипнула так же. Не просто похоже — так же. Сухой короткий звук, будто пол сказал: «А вот и наш идиот».

Илья подошёл к окну. На стекле ползли капли. Одна большая капля у левого края рамы медленно стекала вниз, цепляясь за грязный след от старой наклейки. Он помнил эту каплю. Это было уже неприлично — помнить каплю. В нормальной жизни человек не должен помнить капли. В нормальной жизни у него есть дела, налоги, зубной налёт, стареющая мать, бывшая женщина, презентация Дениса и список продуктов, в котором он каждый раз забывает купить туалетную бумагу. Но Илья помнил каплю. Она вчера спустилась до середины стекла, потом распалась на две. Сейчас она была наверху и собиралась повторить свой маленький водяной позор.

Он пошёл в ванную. Зеркало опять выдало лицо, которое ему не нравилось. Волосы торчали так же. На щеке была складка от подушки. На подбородке — тёмная щетина, которую вчера он собирался побрить, но не побрил, потому что день съел его вместе с кожурой. Он открыл кран, умылся холодной водой, посмотрел на себя и не сказал «нормально». Слово уже стояло во рту наготове, как дежурный охранник в торговом центре, но Илья его не выпустил.

От этого стало хуже. Оказалось, тишина под словом «нормально» не приятная. Там не покой. Там склад забытых коробок, дохлая лампочка и запах сырого картона.

На кухне он включил чайник. Чайник зашумел. Он посмотрел на стол. Квитанция. Ключи. Таблетка магния. Блокнот с чистым первым листом. Всё на местах. Даже крошки

лежали с какой-то издевательской точностью. Илья вдруг подумал, что если это сон, то у сна слишком хорошая память на мусор.

Он взял кружку с подоконника и специально поставил её в раковину. Громко. Почти с вызовом. Потом достал другую — синюю, с облезлой ручкой. Налил чай в неё. Дождался, пока пар ударит в лицо. Посмотрел на телефон.

Денис.

Илья открыл сообщение. Теперь у него было преимущество. Маленькое, мерзкое, но преимущество. Он уже знал, чем всё закончится. Знал тридцать семь комментариев. Знал «сделать более человечно, но без эмоций». Знал, что Денис вечером напишет «Ты гений. Я бы без тебя утонул». Знал, что от этого не станет тепло. Знал, что он будет сидеть до девяти сорока, ненавидеть себя, Дениса, презентацию и всю цивилизацию, которая научилась красиво называть эксплуатацию «выручкой».

Он набрал: «Не могу сегодня». И остановился. Теперь фраза выглядела ещё страшнее, потому что у него был вчерашний опыт. Он знал, что старый ответ отправляется легко. Как будто внутри проложена рельса: «да, конечно» — и вагончик сам катится в яму. А вот «не могу» стояло поперёк горла. Оно не было грубым. Не было хамским. Не било никого по лицу. Просто отказывалось быть мебелью. И именно поэтому казалось преступлением.

Он представил Дениса. Денис сидит в своём светлом кабинете, пьёт кофе из стакана без улыбки, потому что у Дениса даже одноразовые стаканы выглядели успешными. Читает «не могу сегодня». Поднимает бровь. Пишет: «Ок, понял». Это страшнее, чем мат. В «ок, понял» помещается вся история человеческого изгнания из племени. В этой фразе нет крика, зато есть ледяная полка, на которую тебя поставили и забыли.

Илья стёр «не могу сегодня». Набрал: «Да, конечно. Посмотрю сегодня». Не отправил. Смотрел на фразу. Она была родная, как старый синяк. Почти уютная. Он ненавидел её и одновременно хотел в неё спрятаться. Хороший человек вообще часто путает безопасность с клеткой: если прутья давно отполированы его руками, они кажутся домашними.

Он бросил телефон на стол, не ответив. Это было не мужество. Скорее отсрочка казни. Но тело почему-то отреагировало, как на побег: сердце стукнуло резче, ладони стали влажными, живот сжался. Илья сделал глоток чая и обжёг язык.

— Прекрасно, — сказал он. — Даже чай против.

Мать позвонила ровно тогда, когда он натягивал джинсы. Конечно. Вчера — когда он натягивал джинсы. Сегодня — когда он натягивал джинсы. Реальность, видимо, считала, что его нижнее бельё — отличная декорация для семейной драмы.

Он посмотрел на экран и не взял трубку. Телефон замолчал. Через три секунды зазвонил снова. Он снова не взял. Потом пришло сообщение: «Ты спишь? Позвони, как проснёшься. Ничего страшного». Илья прочитал его и почувствовал странную злость. Не на мать даже. На то, что он заранее знает каждую интонацию. «Ты поздно лёг?» «Витамины пьёшь?» «У твоего отца тоже сначала всё было нормально...» Он уже прожил этот разговор. Он был как плохая пьеса в провинциальном театре, где все актёры устали, но деньги за билеты не возвращают.

Он написал: «Проснулся. Позвоню позже». Не отправил. Стер. Написал: «Мам, я сейчас не могу говорить». Посмотрел. Вроде честно. Вроде не хамство. Но внутри поднялась та же липкая вина. Маленькая, старая, домашняя. Она пахла супом, чистым бельём и фразой «я же мать». Илья почти физически почувствовал, как его пальцы ищут мягкий вариант.

В итоге он отправил: «Мам, всё нормально, потом наберу».

Он даже не удивился. Просто посмотрел на экран с усталостью человека, который застал себя на месте преступления и понял, что преступление у него по расписанию.

На улице дождь был тем же, только теперь Илья смотрел на него внимательнее. Всё стало подозрительным. Лужа у подъезда. Сосед с пакетом мусора, который вчера чуть не уронил связку ключей. Женщина в зелёной куртке, ругающаяся по телефону у аптеки. Курьер на вело-

сипеде, проехавший слишком близко к машине и выматерившийся в воротник. Мир повторялся не театрально, не с громкой музыкой и не с красивым эффектом. Он повторялся буднично. А это было гораздо страшнее. Если бы стены плавились, часы шли назад, из раковины полетели птицы — можно было бы списать всё на бред. Но когда вселенная аккуратно воспроизводит лужу у подъезда, начинаешь подозревать, что у неё к тебе личные претензии.

У метро мальчик снова стоял под козырьком и рисовал пальцем на запотевшем стекле витрины. Илья остановился до того, как понял, что остановился. Зверь появлялся на стекле из мутного пара: кривые лапы, длинная шея, хвост с чем-то вроде перьев. Собака, птица и налоговая декларация. Вчера Илья придумал это сравнение, и сегодня оно вернулось, как чек из магазина, где он ничего не хотел покупать.

Женщина рядом говорила в телефон:

— Не, он опять ерундой занимается. Сейчас в сад опоздаем.

Мальчик поднял рукав, чтобы стереть зверя. Илья сделал шаг.

— Подождите, — сказал он.

Женщина обернулась. Мальчик тоже. У мальчика были мокрые ресницы и серьёзное лицо человека, который пока ещё не знает, что взрослые часто называют ерундой всё, что не умеют контролировать.

— Что? — спросила женщина.

Илья сам не знал, что. У него не было готовой речи. Только странная, глупая, почти болезненная необходимость не дать зверю умереть второй раз.

— Он нормально рисует, — сказал Илья.

Женщина посмотрела на него так, как смотрят на мужчин, которые в восемь утра вмешиваются в чужое воспитание возле метро. Не с благодарностью.

— Спасибо, мы разберёмся.

— Да я не... — Илья замялся. — Просто зверь хороший.

Мальчик быстро посмотрел на стекло. В его глазах мелькнуло что-то маленькое. Не счастье. Скорее разрешение на одну секунду не стыдиться. Женщина взяла его за руку.

— Пойдём, художник.

Слово «художник» прозвучало у неё с раздражением, но уже не так убийственно. Мальчик не стёр зверя. Они ушли, а зверь остался на стекле, постепенно расплываясь от дождливого воздуха. Илья стоял перед ним, взрослый мужчина с неотправленным отказом Денису, матерью на телефоне, бывшей женщиной вечером и жизнью, которая по какой-то причине решила устроить ему повторный показ. Он хотел почувствовать что-то большое. Мол, вот, я спас детскую душу, дайте мне музыку и свет. Но почувствовал только неловкость. И ещё чуть-чуть тепла, очень маленького, как монета в дырявом кармане.

В метро он сел у двери и начал искать симптомы в интернете. Не специально. Палец сам открыл поисковик. «Ощущение повторения дня что это». Результаты были прекрасны. Дежавю, стресс, нарушение сна, эпилепсия, тревожное расстройство, редкие неврологические состояния, форум, где человек с ником «Сергей_1984» писал: «У меня такое было после энергетиков». Илья не пил энергетиков. Он пил чай из треснувшей кружки, что, возможно, было ещё опаснее для психики.

Он закрыл телефон. Потом снова открыл. Денису так и не ответил. В чате появилось новое: «Илюх, ты видел?» Через минуту: «Там правда надо сегодня». Ещё через две: «Ау?»

Илья набрал: «Сегодня не смогу, прости». Слово «прости» прицепилось само. Как собака из приюта. Он посмотрел на него и разозлился. За что прости? За то, что у меня есть день? За то, что я не хочу снова лечь под твою презентацию, как под автобус? Он стёр «прости». Осталось: «Сегодня не смогу». Сердце снова стукнуло так, будто кто-то внутри уронил кастрюлю.

Он отправил.

Поезд как раз въехал в тоннель. Связь пропала. Илья сидел, смотрел на своё отправленное сообщение, которое уже нельзя было вернуть, и чувствовал не свободу, а ужас. Вот это его удивило больше всего. Он думал, отказ должен приносить лёгкость. В книжках, наверное, так и бывает: человек говорит «нет» и сразу расправляет плечи, встаёт ветер, где-то играет саксофон, душа получает премию за автономию. В реальности его слегка тошнило, под мышками стало влажно, а мозг немедленно начал составлять список последствий. Денис обидится. Денис найдёт другого. Денис поймёт, что Илья не так уж незаменим. Денис перестанет давать проекты. Денег станет меньше. Марина окончательно решит, что он не справляется. Мать скажет: «Ну я же говорила». Кирилл, если вдруг появится, увидит в нём всё того же идиота, только теперь ещё и без работы.

Поезд выехал из тоннеля. Пришёл ответ Дениса.

«Ты серьёзно?»

Илья посмотрел на эти два слова, и весь его организм захотел обратно в старую жизнь. Там было плохо, зато знакомо. Там он мог ненавидеть себя вечером, но утром хотя бы знал, как работает механизм. Сейчас механизм скрипнул.

Он не ответил. Сунул телефон в карман. Дышал. Смотрел на рекламу стоматологии напротив. На плакате женщина с идеальными зубами обещала «улыбку без страха». Илья подумал, что общество, конечно, продвинулось. Зубы без страха предлагает. Жизнь без страха — пока нет.

На работе день пошёл не так. Уже это было доказательством. Денис появился возле его стола в 11:20, хотя вчера просто писал в чат. Значит, день можно было двигать. Значит, он не был видеозаписью. Значит, Илья не просто зритель собственного четверга. Это должно было обнадёжить. Но Денис стоял над ним с лицом человека, которому отказали в праве пользоваться розеткой.

— Ты чего? — спросил Денис.

— В смысле?

— В прямом. Я написал, что надо сегодня. Ты мне: не смогу. Что случилось?

Илья посмотрел на него снизу вверх. Денис был аккуратно выбрит, пах хорошим парфюмом и уверенностью человека, у которого чужая усталость всегда была «рабочим моментом».

— Ничего. Просто не смогу.

— Ты заболел?

— Нет.

— У тебя что-то срочное?

Илья хотел сказать: да, Денис, у меня срочно повторяется четверг, я пытаюсь выяснить, является ли моя жизнь наказанием, экспериментом или криво написанным сценарием, поэтому твоя презентация немного подождёт. Вместо этого сказал:

— У меня свои дела.

Денис моргнул. Именно это его и задело. Не отказ. Не болезнь. Не уважительная причина. А дикая, почти неприличная формулировка: свои дела. Как будто у Ильи могла быть жизнь, не заверенная Денисом.

— Слушай, — Денис понизил голос, что у него обычно означало переход к дружескому удушению. — Я же не просто так прошу. Команда рассчитывает.

Опять рассчитывает. Это слово за день начало походить на наручники.

— Понимаю.

— Если понимаешь, помоги.

Раньше здесь Илья бы сдался. Собственно, он почувствовал, как сдаться было бы приятно. Моментальное облегчение: Денис доволен, конфликт закрыт, тревога получает печенье. Вечером — ненависть к себе, зато сейчас тишина. Хороший человек — это часто наркоман чужого спокойствия. Дай другому не злиться, и ломка утихнет на пару часов.

— Нет, — сказал Илья.

Слово вышло тихим. Не героическим. Но вышло.

Денис посмотрел на него внимательнее.

— Ладно. Понял.

Вот оно. «Понял». То самое. Ледяная полка. Илья почти физически почувствовал, как его ставят туда между папками «ненадёжный» и «начал выёживаться». Денис ушёл. Илья сидел за столом, смотрел в монитор и не чувствовал победы. Только пустоту, нервный жар в лице и странное желание догнать Дениса, схватить за рукав и сказать: «Я хороший, просто сегодня у меня сбой, не выкидывайте меня из людей».

Он не догнал.

К обеду стало ясно, что отказ не спас день. Это было неприятное открытие. Илья почему-то тайно ждал, что после одного «нет» реальность скажет: молодец, проходи, вот тебе новый уровень, свежий воздух, взрослая жизнь без боли. Но реальность ничего не сказала. Она подкинула Маринино сообщение: «Давай вечером». Потом мать: «Ты не забыл позвонить?» Потом в животе началась привычная тяжесть. Потом он открыл блокнот и уставился на первый чистый лист, как на белую стену в психиатрической больнице.

Он попробовал писать. Просто так. Чтобы проверить, может ли он сегодня сделать что-нибудь не по рельсам. На первой строке появилось: «Мальчик не стёр зверя». Он посмотрел на фразу. Смешная. Глупая. Слишком простая. Но живая. Он хотел продолжить, но тут в голове включился внутренний комитет. Зачем? Для чего? Это что, рассказ? Кому это надо? Ты писатель теперь? Может, сначала нормально сформулируй идею. Может, почитай, как это делают другие. Может, купи курс. Может, завтра. Он закрыл блокнот. Потом открыл. Написал вторую строку: «И зверь остался на стекле, как доказательство, что не всё странное надо сразу стирать». Стало стыдно. Очень. Стыдно за пафос, за зверя, за себя, за то, что взрослый мужик пишет в обед какую-то сентиментальную ерунду вместо того, чтобы быть полезным элементом экономики.

Он вырвал лист.

Скомкал.

Секунду подержал в руке и разжал пальцы. Бумага лежала на ладони, белая, измятая, похожая на маленький мозг. Илья вдруг понял, что всю жизнь так и обращался с тем, что в нём пыталось быть живым. Сначала писал, потом пугался, потом комкал, потом называл это зрелостью.

Он не выбросил лист. Положил обратно в блокнот. Криво, как улику.

Вечером он пришёл в то же кафе. Теперь знал, где будет сидеть Марина. У окна. В сером свитере. Чай без второй чашки. Он даже пришёл на десять минут раньше, чтобы не повторять вчерашний рисунок целиком. Сел напротив пустого места и почувствовал себя человеком, который пришёл на свидание с приговором.

Марина вошла в 19:08. Посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Ты рано.

— Да.

— Это пугает.

— Меня тоже.

Она села. Сняла шарф. Официант подошёл, как свидетель, только теперь Илья сразу заказал кофе. Вечером. Назло старой заботе. Марина заметила.

— Ты же после кофе плохо спишь.

— Я и без него плохо сплю.

Она чуть улыбнулась. Не радостно. Но живая трещина появилась в её лице, и Илье стало легче на полсекунды. Потом он вспомнил, что легче — это не цель. Точнее, всю жизнь он делал целью именно легче. Лишь бы разговор закончился без крика. Лишь бы человек напротив не

ушёл. Лишь бы внутри не трясло. Лишь бы ещё один день не пришлось быть настоящим под открытым небом.

— Я устала, Илья, — сказала Марина.

Вот она. Реплика. Вчерашняя. Он мог бы ответить иначе. Подготовиться. Сказать что-то умное, глубокое, честное на вид. Он даже весь день мысленно репетировал: «Я понимаю, что был эмоционально недоступен». Ужасная фраза. Как из брошюры, которую дают людям, чтобы они могли ранить друг друга профессиональнее. Ещё была: «Я часто выбирал безопасную роль вместо близости». Тоже мерзость. Слишком гладко. Слишком будто он уже написал пост о своём развитии и ждёт одобрительных комментариев.

— Я знаю, — сказал он.

Марина посмотрела на него.

— Что знаешь?

— Что ты устала.

— И?

— И я не хочу сейчас делать вид, что быстро всё понял.

Она молчала.

— Вчера... — начал он и осёкся.

Вчера не существовало. Или существовало только для него. Сказать «вчера» было всё равно что прийти в банк с купюрой из сна.

— В прошлый раз, — поправился он, сам не понимая, что имеет в виду, — я бы начал объяснять, что стараюсь. Что мне сложно. Что я не хотел. И всё это правда, наверное. Но какая-то бесполезная правда.

Марина смотрела внимательно. Это было хуже, чем когда она злилась. Внимание требует продолжения.

— Я правда часто не знаю, чего хочу, — сказал Илья. — Точнее, знаю. Но узнаю слишком поздно. Когда уже согласился на другое.

Она отвела взгляд к окну. Дождь ел стекло мелкими зубами.

— А со мной ты чего хочешь?

Вот тут все его внутренние службы эвакуации пришли в движение. Срочно найти правильный ответ. Не давить. Не выглядеть жалким. Не потерять. Не обидеть. Не обнажить слишком много. Не произнести того, за что потом будет стыдно. Голова стала похожа на вокзал, где объявляют сразу восемь поездов, и каждый в ад, но с разными остановками.

— Я хочу, чтобы ты осталась, — сказал он наконец.

Марина закрыла глаза. Он быстро добавил:

— Но я понимаю, что это не значит, что ты должна.

Вот это было новым. Фраза вышла не блестящей, не киношной, но в ней хотя бы не было счёта. Не было: я стараюсь — заплати. Я страдаю — вернись. Я хороший — не бросай. Просто желание, положенное на стол без ножа.

Марина долго молчала.

— Я не знаю, могу ли, — сказала она.

Боль пришла сразу. Илья почувствовал, как старый механизм хочет превратить её честность в обвинение. Конечно. Конечно, ты не знаешь. А я тут, значит, раздеваю душу, пью кофе после семи вечера, отказываю Денису, спасаю чужого зверя на стекле, а ты «не знаю». Прекрасно. Выставка мужского унижения открыта до конца месяца.

Он поймал эту мысль и чуть не рассмеялся от её уродства. Вот он, кассовый аппарат. Даже сейчас. Даже здесь. Только что положил желание без ножа — и тут же полез под стол искать чек.

— Я понимаю, — сказал он.

Марина посмотрела подозрительно.

— Ты сейчас правда понимаешь или делаешь вид?

— Не знаю. Но стараюсь не выставлять тебе счёт за то, что мне больно.

Она ничего не ответила. Но её лицо изменилось. Не смягчилось даже. Просто впервые за разговор она, кажется, увидела перед собой не человека-ответ, не человека-уклон, не вежливое пустое место, а кого-то менее пригодного и более живого.

Они сидели дольше, чем вчера. Говорили меньше. Это странно: иногда честный разговор состоит не из великих признаний, а из того, что люди перестают забивать тишину мусором. Марина рассказала, что устала ждать не поступков, а присутствия. Илья слушал. Несколько раз хотел оправдаться. Один раз почти начал. Потом прикусил язык. Не как герой. Как человек, который наконец заметил, что во рту у него не только язык, но и тормоза.

Когда они вышли из кафе, дождь стал мягче. Марина раскрыла зонт.

— Не провожай, — сказала она.

Вчера он не провожал, потому что растерялся. Сегодня хотел проводить, чтобы доказать, что может быть рядом. Она, видимо, почувствовала в этом доказательстве старую липкость.

— Хорошо, — сказал он.

— И не пиши красивое сообщение.

— Не буду.

Она ушла. Он стоял у кафе и смотрел, как её зонт растворяется в мокрых огнях. Боль была. Но в ней не было вчерашнего театра. Она не требовала немедленно стать красивой, благородной или мстительной. Просто боль. Обычная. Серая. Без спецэффектов. Как дождь.

Дома Илья первым делом посмотрел на кружку. Синяя стояла в раковине. Треснувшая — на подоконнике. Он точно утром поставил её в раковину. Точно. Или потом машинально вернул? Он не помнил. От этого стало нехорошо.

Он открыл переписку с Кириллом. Пальцы дрожали не сильно, но достаточно, чтобы раздражать.

«Кир. Я пропал. Мне стыдно. Я не знаю, можно ли ещё вернуться, но я хочу попробовать».

Он смотрел на сообщение минут пять. Оно было некрасивое. Голое. Без защиты. Без юмора, которым можно заранее простить себя. Без «как-нибудь». Без «если что». Почти неприличное.

Он отправил.

Потом сразу захотелось умереть маленькой, аккуратной смертью под одеялом. Телефон не ответил. Конечно, не ответил. Кирилл мог спать. Мог быть занят. Мог прочитать и решить, что поздно. Мог вообще сменить номер, хотя сообщение ушло. Мог сидеть сейчас где-нибудь с нормальными друзьями, которые не исчезают на три года, а потом не приходят со своей просроченной искренностью, как с тухлой рыбой в подарочной упаковке.

Илья положил телефон экраном вниз. Потом перевернул. Потом снова вниз. Потом сказал себе:

— Не проверяй.

Проверил через двадцать секунд. Ничего.

В 00:31 Денис прислал одно сообщение: «Надеюсь, завтра ты будешь в форме». Илья прочитал и чуть не написал: «Да, конечно». Даже сейчас. Даже после всего. Рука сама потянулась к старому ошейнику. Он выключил экран.

Мать он так и не набрал. И это было не победой, а трусостью. Он понимал. Завтра, сказал он себе. И тут же напрягся. Завтра. Слово стало подозрительным. Раньше оно было мусорным баком для всего, что не помещалось в сегодня. Теперь оказалось, что бак могут не вывезти.

Он лёг в 00:58. День был другим. Не хорошим. Не исцеляющим. Господи, какое мерзкое слово, если произнести его в однокомнатной квартире с грязной тарелкой на столе. Просто другим. Он отказал Денису. Оставил зверя на стекле. Поговорил с Мариной без привычной

бухгалтерии. Написал Кириллу. Не позвонил матери. Не стал героем. Не стал новым человеком. Скорее старый человек наконец перестал немного притворяться мебелью.

Может, этого достаточно, подумал он. Может, завтра наступит.

В семь двенадцать утра телефон снова лежал на полу экраном вверх.

«Оплатить интернет».

Илья открыл глаза и не пошевелился.

Дождь висел за окном. Треснувшая кружка стояла на подоконнике. Денис написал в 6:48.

Мать звонила в 6:59. Марина прислала голосовое на сорок две секунды.

В переписке с Кириллом последним снова было старое сообщение трёхлетней давности:

«Ты живой вообще?»

Илья смотрел на экран так долго, что тот погас.

В темноте чёрного стекла отразилось его лицо.

— Ну ладно, — сказал он тихо. — Значит, недостаточно.

Глава 3. Маленькая власть над чужими репликами

На третий четверг Илья уже не сел на кровати медленно, как человек, которого только что вынули из-под завалов. Он вскочил. Резко, зло, с таким чувством, будто где-то в невидимой диспетчерской сидел мелкий бог средней руки, нажимал кнопку «повтор» и ждал, когда подопытный начнёт бегать по клетке. Телефон лежал на полу. «Оплатить интернет». Семь двенадцать. Дождь. Кружка. Денис. Мать. Марина. Кирилл. Вся эта дешёвая декорация персонального ада, собранная из будничных предметов: треснувшей керамики, мокрого стекла, непрочитанных сообщений и слова «выручишь», которое теперь хотелось распечатать, свернуть трубочкой и засунуть Денису в его аккуратную уверенность.

Илья поднял телефон и первым делом не стал проверять, какой сегодня день. Он уже знал. Вместо этого открыл камеру и сфотографировал комнату: кружку на подоконнике, тумбочку, одеяло, телефонную зарядку, носок у ножки стула. Потом снял короткое видео. Провёл камерой по окну, по дождю, по себе в зеркале, где стоял лохматый, злой, в футболке, похожей на тряпку из автомастерской. В конце сказал в объектив:

— Если завтра это опять исчезнет, значит, я либо сошёл с ума, либо мир решил, что я слишком тупой для одного раза.

Он посмотрел видео. Голос был хриплый, лицо неприятное, фон жалкий. Никакой мистики. Просто взрослый мужик снимает свою однокомнатную квартиру, потому что календарь сломался. Почти блогер. Только без рекламы матрасов и надежды на монетизацию.

Он положил телефон на стол, открыл заметки и написал заголовок: «ЧЕТВЕРГ». Потом задумался и добавил: «СУКА». Получилось честнее. Ниже начал список: 7:12 — телефон на полу, интернет. 6:48 — Денис. 6:59 — мать. Марина — голосовое 42 сек. Мальчик у метро рисует зверя. Денис приходит к столу, если отказать. Марина в кафе, серый свитер. Кирилл не отвечает. День повторяется, даже если сделать почти всё иначе. Последнюю фразу он перечитал несколько раз. «Почти всё иначе» звучало обидно. Вчера он ведь старался. Отказал Денису. Не стёр чужого зверя. Сказал Марине что-то более-менее живое. Написал Кириллу. И всё равно проснулся в той же клетке. Значит, либо он сделал недостаточно, либо правила были другими, либо правил не было вообще. Последнее было хуже всего. Илья мог жить в неприятной системе, если понимал её механику. Детство, работа, отношения — да что угодно. Дай человеку схему унижения, и он рано или поздно найдёт, где повесить куртку. Но если схема отсутствует, тревога начинает строить свою. А тревога у Ильи была талантливая. Ей бы генеральным директором, она бы за неделю оптимизировала весь ад.

Он решил провести эксперимент. Не философский. Не духовный. Нормальный человеческий эксперимент: изменить день так сильно, чтобы реальности стало стыдно повторять его без правок. Для начала он взял треснувшую кружку с подоконника, открыл мусорное ведро и бросил её туда. Кружка ударилась о дно, не разбилась, только глухо стукнула, как будто даже мусор был против драматургии.

— Отлично, — сказал Илья. — Минус один символ.

Потом он открыл сообщение Дениса и написал: «Нет. Не выручу». Посмотрел. Стёр. Слишком радикально. Слишком похоже на подростка, который впервые нашёл мат в интернете. Написал: «Сегодня не смогу. У меня другие дела». Пауза. Отправил. Без «прости». Без смайла. Без мягкой подушечки под чужое неудобство. После отправки его, как и вчера, затошнило, но уже меньше. Видимо, организм начал понимать, что отказ не мгновенно вызывает молнию в потолок. Или просто решил умереть позже.

Мать позвонила, когда он стоял на кухне, а не в ванной. Он специально не натягивал джинсы, чтобы сбить унижительную повторяемость семейной сцены с одной штаниной. Телефон зазвонил. Илья взял сразу.

— Мам, привет. Я проснулся. Я не заболел. Витамины непил. Давление не мерил. Позвоню тебе вечером, если смогу говорить спокойно. Сейчас не могу.

На том конце повисла пауза. Такая плотная, что её можно было намазывать на хлеб.

— Илья? — осторожно сказала мать.

— Да.

— Ты чего такой?

— Никакой. Просто заранее ответил на основные вопросы.

— Ты издеваешься?

Он закрыл глаза. Вот оно. Первый поворот. Стоило ему не пройти по старому сценарию, как мать испугалась и сразу достала знакомый инструмент: обиду. Не потому что плохая. Потому что у каждого человека свой домашний набор отвёрток, которыми он чинит других. У Веры Павловны была тревога, обида и борщ в пластиковом контейнере. На все случаи жизни.

— Нет, мам, — сказал он. — Не издеваюсь.

— Тогда нормально разговаривай.

Внутри у него что-то дёрнулось от слова «нормально». Оно уже третий день ходило за ним, как пьяный сосед с просьбой одолжить соль.

— Я не хочу нормально. Я хочу коротко. Я жив, я проснулся, я занят, я позвоню позже.

— Ты опять нервный.

— Да. Я нервный.

И это «да» вдруг повисло между ними как новая мебель в старой комнате. Мать не знала, куда его поставить. Обычно он спорил или успокаивал. А тут просто согласился.

— Может, тебе к врачу? — сказала она тише.

Илья чуть не рассмеялся. Врач, конечно, был бы прекрасен. «Доктор, у меня третий раз один и тот же четверг». Доктор поправляет очки: «А в семье повторяющиеся четверги были?» Мать на заднем плане: «Я же говорила, витамин Д».

— Может, — сказал он. — Но не сейчас.

— Ты мне не нравишься сегодня.

— Себе я тоже пока так себе.

Это вырвалось случайно. Без подготовки. Мать замолчала. Илья вдруг понял, что за всю взрослую жизнь почти ни разу не говорил ей такие вещи без упаковки. Не «устал, но нормально», не «работы много», не «всё хорошо», а прямо: себе я тоже так себе. Мать не умела с этим обращаться. Её любовь была как старый советский шкаф: прочная, тяжёлая, с запахом нафталина, но ящики открывались только на половину.

— Ты поешь, — сказала она наконец.

Вот и весь ответ. Не потому что не услышала. Может, услышала слишком сильно. Просто у неё вместо «мне страшно за тебя» изо рта выходило «поешь». У людей вообще много чувств выходят не теми словами. Особенно у родителей. Особенно у тех, кто сам когда-то выжил, не имея права развалиться.

— Поем, — сказал Илья.

— И не пей кофе натошак.

— Мам.

— Всё, всё. Молчу.

Она не молчала ещё две минуты, но уже мягче. Потом отключилась. Илья посмотрел на телефон и почувствовал странное. Не победу, нет. Победа пахнет фанфарами, а здесь пахло остывшим чайником и чуть подгоревшим страхом. Но он не исчез. Это было главным. Разговор прошёл, мать осталась матерью, он остался сыном, никто не умер, хотя местами было похоже на репетицию.

Он вышел из дома раньше. Специально. Сосед с мусором ещё не успел появиться у лифта. Женщины в зелёной куртке у аптеки тоже не было. Курьер на велосипеде не проехал. Мир,

оказывается, можно было чуть-чуть обогнать. Илья спустился по лестнице вместо лифта, чувствуя себя идиотом, который пытается победить вселенную через подъезд без ремонта. На втором этаже пахло жареным луком. На первом — мокрой собакой. У входа в подъезд дворник в оранжевой жилетке курил под козырьком и смотрел на дождь с выражением человека, который давно подозревал погоду в личной неприязни.

— Доброе, — сказал дворник.

Илья кивнул. Вчера он его не видел. Позавчера тоже. Новая деталь. Значит, день не был бетонным. Значит, можно было ковырять.

У метро мальчика ещё не было. Витрина была чистая, запотевшая, пустая. Илья встал под козырёк и стал ждать. Через четыре минуты пришла женщина с ребёнком. Мальчик тащился, как маленький заключённый дошкольного режима. Женщина уже говорила по телефону. Всё сходилось. Мальчик подошёл к стеклу и начал рисовать зверя.

На этот раз Илья не дождался фразы про ерунду. Он присел рядом, чувствуя, как колени жалуются на эту внезапную педагогическую акцию.

— У него хвост неправильный, — сказал он.

Мальчик посмотрел на него подозрительно.

— Почему?

— Слишком похож на нормальный. Если зверь странный, хвост должен быть увереннее. Мальчик прищурился и добавил хвосту три пера. Потом ещё одно, совсем нелепое.

— Так? — спросил он.

— Лучше.

Женщина обернулась.

— Вы кто?

— Прохожий.

— Очень приятно. Нам в сад.

— Он сейчас закончит.

Илья сам услышал, как это прозвучало: взрослый незнакомый мужчина указывает женщине, когда её ребёнок закончит рисовать на витрине у метро. В любой другой день он бы сам вызвал на себя полицию изнутри собственной головы. Женщина поджала губы.

— У вас свои дети есть?

— Нет.

— Тогда не надо.

Вот это было больно неожиданно. Не потому что он хотел детей прямо сейчас, под козырьком, в комплекте с мокрой витриной. А потому что «нет» прозвучало как диагноз непригодности. Нет детей — не лезь. Нет семьи — не знаешь. Нет диплома — не говори. Нет успеха — молчи. Вся жизнь состояла из невидимых пропусков в право быть услышанным.

Илья поднялся.

— Вы правы, — сказал он. — Не надо.

Мальчик быстро посмотрел на него. В этом взгляде была маленькая обида предательства. Илья вдруг понял, что сейчас повторяет старый фокус: стоит кому-то нажать на правильную кнопку, он отступает, улыбается и уступает место, даже если место было его всего на секунду.

Женщина взяла ребёнка за руку.

— Пойдём, художник.

Слово снова прозвучало с раздражением. Мальчик опустил рукав к стеклу, чтобы стереть зверя. Илья сказал:

— Не стирай.

Тихо, но твёрже.

Женщина посмотрела на него уже не раздражённо, а опасливо.

— Что?

— Я не про воспитание. Вы как хотите. Просто пусть рисунок останется. Он никому не мешает.

Пауза. Женщина хотела что-то сказать, но в телефоне у неё закричал чужой голос. Она отвернулась на секунду. Мальчик не стал стирать зверя. Только добавил ему маленький глаз. Потом они ушли. Зверь остался на стекле, уродливый и важный, как доказательство, что иногда жизнь держится на одном лишнем пере.

Илья пошёл в метро с чувством, будто совершил подвиг размером с грязную пуговицу. Мелко, смешно, но всё-таки не ноль.

На работе Денис пришёл раньше — в 10:37. Видимо, отказ утром ускорил его эволюцию из сообщения в физическое тело. Он появился у стола с тем самым лицом, где дружба уже сняла пиджак и готовилась перейти к силовому методу.

— Илюх, можно тебя?

— Можно, — сказал Илья и сразу пожалел. Слово «можно» было слишком широким. В него Денис мог въехать на грузовике.

Они отошли к окну в переговорке. За стеклом уныло мокли крыши, кондиционеры, антенны и прочие доказательства цивилизации, которая так старалась, а всё равно получилась офисом.

— Слушай, я не очень понял твой ответ, — сказал Денис.

— Какой именно?

— «У меня другие дела». Что за дела?

Илья посмотрел на него. Вот оно. Главный вопрос всех людей, привыкших к твоей доступности: докажи, что у тебя есть уважительная причина принадлежать себе. Не просто «не могу». Нет. Предъяви справку. Похороны, температура, кровь, пожар, ребёнок, суд. Своя жизнь без чрезвычайной ситуации не считается.

— Личные, — сказал Илья.

Денис усмехнулся.

— Мы все люди, у всех личные. Но есть рабочие обязательства.

— Я свои рабочие обязательства сделал.

— Не совсем. Команда рассчитывает, что ты подключишься.

— Команда или ты?

Денис перестал улыбаться. Илья почувствовал укол страха — короткий, горячий. Раньше он бы на этом месте сразу смягчил: «я не в претензию», «просто уточняю», «давай посмотрю вечером». Страх уже открыл рот, чтобы произнести одну из этих влажных тряпок.

— Ты чего такой резкий? — спросил Денис.

— Не знаю. Наверное, впервые говорю коротко.

— Слушай, если у тебя ко мне какие-то претензии, ты скажи нормально.

Илья чуть не сказал: «нет претензий». Эта фраза вообще должна продаваться в аптеках рядом с успокоительными. «Нет претензий» — для временного снятия симптомов честности.

— Есть, — сказал он.

Денис поднял брови.

— Интересно.

— Ты часто называешь срочным то, что просто не хочешь делать сам или плохо организовал заранее. А я часто соглашаюсь, потому что боюсь выглядеть ненадёжным. Потом злюсь на тебя, хотя сам сказал да. Это довольно тупая схема.

Денис смотрел на него с таким лицом, будто Илья внезапно начал говорить на древне-греческом, да ещё и оскорбительно.

— Ничего себе утро, — сказал он.

— У меня тоже такое ощущение.

— Ты хочешь сказать, я на тебе езжу?

Старый Илья тут бы испугался. Потому что фраза «ты хочешь сказать» — это ловушка. Тебя заставляют либо взять обратно смысл, либо стать агрессором. Он чувствовал, как внутри поднимается желание отступить: ну нет, не едешь, я не так выразился, всё сложнее, я тоже виноват, мы команда. Но сегодня он уже трижды видел, как мир перезаписывает его попытки, и от этого устал сильнее, чем боялся.

— Да, — сказал он. — Иногда едешь. А я иногда сам ложусь на дорогу. Так точнее.

Денис хмыкнул. Не весело. Но и не взорвался. Это было почти разочаровывающе. Тревога внутри Ильи заранее построила театр катастрофы: Денис орёт, увольняет, все смотрят, охрана выводит, мать плачет над его трудовой книжкой. А Денис просто стоял, смотрел в окно и крутил в руке телефон.

— Ладно, — сказал он наконец. — Сегодня сам разберусь.

Эти слова должны были принести облегчение. Но Илье стало пусто. Его как будто сняли с крючка, на котором он провисел много лет, а он вместо свободы почувствовал отсутствие крючка. Странная штука: когда тебя долго используют, ты можешь начать путать свою нужность с любовью к месту, где тебя используют.

— Спасибо, — зачем-то сказал он.

Денис посмотрел на него.

— Вот это лишнее.

И ушёл. А Илья остался у окна и подумал, что Денис, возможно, не абсолютный демон. Просто человек, который пользовался дверью, пока она открывалась. А Илья всю жизнь стоял рядом и изображал гостеприимную дверь. Вина за сквозняк, конечно, коллективная.

К обеду он решил проверить главный страх: если сделать всё по-другому, день всё равно вернётся? Он купил в столовой не привычную гречку с сухой курицей, а суп, который выглядел так, будто в него кто-то долго смотрел и потерял надежду. Позвонил матери сам, до её сообщения. Сказал: «Я поел». Она обрадовалась, потом сразу спросила, почему голос странный. Он сказал: «Потому что день странный». Она ответила: «Все дни странные, если не спать нормально». В каком-то смысле это было самое близкое к философии, что мать могла выдать без подготовки.

Потом он открыл блокнот. Вырванный вчера лист, конечно, исчез. Чистый первый лист снова смотрел на него белой, наглой мордой. Илья написал: «Мальчик не стёр зверя». Подумал. Дописал: «Пока взрослые спорили, кому принадлежит его ерунда». Получилось лучше. Или хуже. Он не понял. Но лист не вырвал. Положил блокнот в сумку, будто прятал маленькое незаконное животное.

К вечеру он решил не идти в кафе. Вот просто не идти. Если всё повторяется, зачем опять ставить Марину за стол у окна, себя напротив, официанта в роль свидетеля, боль в чашку? Он написал ей: «Давай поговорим не в кафе. Я могу приехать туда, где тебе удобно. Или пройтись». Ответ пришёл не сразу. Эти десять минут он прожил как отдельный маленький роман про человека, который ненавидел неопределённость и поэтому каждые пятнадцать секунд проверял мессенджер, будто там могли выдать справку о его ценности.

Марина ответила: «Пройдёмся. У набережной в 19:30».

Новая сцена. Новая декорация. Илья даже почувствовал азарт. Не радость — осторожный азарт лабораторной крысы, которая нашла щель в стене.

Набережная была мокрой, холодной, с фонарями, отражёнными в асфальте. Река шла темно и равнодушно. Марина стояла под зонтом, руки в карманах пальто. В сером свитере, да, но уже не за столом. Это почему-то делало её настоящей сильнее. В кафе люди часто говорят не то, что чувствуют, а то, что помещается между меню и счётом. На улице сложнее притворяться. Дождь сразу портит красивую позу.

— Почему не кафе? — спросила она.

— Я не хотел повторять.

— Что?

Илья чуть не попался. Нельзя же сказать: наш вчерашний разговор уже был два раза, и оба закончились плохо, хотя второй чуть менее плохо, так что я решил сменить локацию, как игрок в дешёвой компьютерной игре.

— Наши обычные разговоры, — сказал он. — Стол, чай, я киваю, ты устаёшь, я изображаю понимание.

Марина внимательно посмотрела на него.

— Ты сегодня странный.

— Все так говорят.

— Кто все?

— В основном я.

Они пошли вдоль воды. Сначала молчали. Илья держал руки в карманах, чтобы не начать жестикулировать как человек, продающий собственное раскаяние. Марина шла рядом, но не близко. Между ними помещалась вся их история: недосказанное, отложенное, обиды без протокола, его «я стараюсь», её «я устала», его скрытые счета, её усталость платить за то, чего она не покупала.

— Я вчера думала, — сказала она.

Илья вздрогнул от слова «вчера». Для неё вчера было средой. Для него — уже несколько четвергов назад. У времени, оказывается, тоже бывают разные версии в паре, даже без фантастики.

— О нас? — спросил он.

— О тебе. О себе. О том, что я всё время пытаюсь понять, где ты настоящий.

— И где?

— Не знаю. Иногда кажется, что тебя включают только в моменты, когда есть риск потерять.

Он хотел возразить. Потом понял, что это правда. Он действительно оживал в угрозе. Когда Марина уходила — он чувствовал любовь. Когда Денис давил — он чувствовал злость. Когда мать тревожилась — он чувствовал себя сыном. Когда Кирилл исчез из жизни — он чувствовал дружбу как вину. В обычные дни он был распределён по обязанностям, как коммунальные платежи.

— Возможно, — сказал он.

Марина усмехнулась.

— Ты сегодня решил соглашаться со всем?

— Нет. Просто пытаюсь не уворачиваться.

— А раньше уворачивался?

— Постоянно.

— Зачем?

Вопрос был простой. До обидного. Илья посмотрел на реку. На воде расходились круги от дождя. Тысячи маленьких повторений. Каждая капля падала, делала свой круг и исчезала. День сурка для воды. Никто не драматизирует. Может, вода потому и выдерживает.

— Я боялся, что если скажу прямо, ты уйдёшь, — сказал он. — Или разозлишься. Или согласишься со мной так, будто я меньше, чем казался.

— И поэтому ты стал меньше сам?

Он остановился. Марина прошла ещё два шага, потом тоже остановилась.

Фраза была слишком точной, но не нарочно жестокой. Она не ударила. Она просто открыла дверь в комнату, где давно воняло.

— Похоже на то, — сказал он.

Марина опустила зонт чуть ниже. На лице у неё была усталость, но уже без прежней каменной гладкости.

— Илья, я не знаю, что с этим делать. Правда.

— Я тоже.

— Тогда зачем мы разговариваем?

Старый ответ: чтобы ты осталась. Красивый ответ: чтобы быть честными. Умный ответ: чтобы понять, есть ли у нас будущее. Все ответы были отчасти правдой и отчасти инструментами. Илья устал от инструментов. Он чувствовал себя человеком, который всю жизнь ходил на близость с набором отвёрток.

— Потому что я не хочу исчезать молча, — сказал он.

Марина ничего не сказала. Но не ушла. Они дошли до моста. Там ветер был сильнее, и дождь летел почти горизонтально. Илья вдруг рассмеялся.

— Что? — спросила она.

— Я просто понял, что всё это очень пафосно. Набережная, дождь, разговоры о том, что я исчезаю. Не хватает только скрипки и голубя с депрессией.

Марина неожиданно улыбнулась. Настояще. На секунду он увидел ту женщину, с которой когда-то было легко смеяться над чужими плохими вывесками, спорить о фильмах и покупать дурацкие булочки в пекарне, хотя оба обещали не есть мучное по вечерам. Эта женщина не вернулась к нему. Она просто мелькнула, как свет в окне поезда. Но этого хватило, чтобы стало больно.

— Ты умеешь быть живым, когда не стараешься, — сказала она.

— Редкий талант. Почти не пользуюсь.

Они расстались у остановки. Без решения. Без объятий. Она сказала: «Я напишу». Он не спросил когда. Это было почти подвигом. Внутри всё орало: уточни, возьми срок, добейся гарантии, не оставляй неопределённость открытой, она же сожрёт тебя ночью. Но он не спросил. Просто кивнул.

Дома его ждал телефон. На экране было сообщение от Кирилла.

Илья замер в дверях, даже куртку не снял. Сердце ударило в грудь так сильно, будто решило выйти и прочитать само.

Кирилл написал: «Ты охренел, конечно. Но я живой».

Всего пять слов. Не прощение. Не объятие. Не «брат, я скучал». Просто пять слов, от которых у Ильи вдруг подогнулись колени. Он сел прямо на пол в коридоре, среди мокрой обуви, пакета с мусором, который так и не вынес, и чужого запаха подъезда на куртке. Телефон лежал в руке тёплый, почти живой.

Он начал печатать: «Я знаю. Прости». Остановился. «Прости» было нужно. Но за ним уже тянулся привычный хвост: успокой меня, скажи, что ничего страшного, сними с меня вину, дай мне быстро стать хорошим обратно. Он стёр. Написал: «Да. Я охренел. Мне стыдно. Рад, что ты ответил».

Кирилл не ответил сразу. Илья положил телефон рядом с собой и сидел на полу. В квартире было темно. За окном дождь. На столе блокнот. В мусорном ведре кружка. Он специально пошёл проверить. Она была там. На дне пакета, среди чайных пакетиков и упаковки от хлеба. Он посмотрел на неё, как на улику: да, сегодня было иначе. Не казалось. Не сон. Не просто мыслительная жвачка. Он делал разрывы в ткани четверга.

В 00:12 Кирилл написал: «Давай без больших речей. Кофе завтра?»

Илья долго смотрел на слово «завтра». Оно стояло на экране как издевательство и обещание одновременно. Завтра. Главное слово всех трусов, мечтателей, тревожных людей, хороших сыновей, плохих друзей, уставших любовников и тех, кто собирается начать жить, как только жизнь перестанет мешать. Он написал: «Да». Потом добавил: «Если оно наступит». Стёр. Нельзя было. Кирилл решит, что он опять драматизирует или пьян. Написал просто: «Да. Где и во сколько?»

Ответ: «В 19. На старом месте».

Илья улыбнулся. Очень осторожно. Как человек, который нашёл в кармане деньги, но боится, что они чужие.

Он лёг поздно. Перед сном долго смотрел в потолок. Сегодня было иначе. Слишком иначе, чтобы мир мог сделать вид, что ничего не произошло. Кружка в мусоре. Денис отступил. Мать не разрушилась. Мальчик не стёр зверя. Марина улыбнулась. Кирилл ответил. Блокнот не остался пустым. Это уже не «почти». Это уже день с другими костями.

Может, подумал Илья, дело было в количестве. Может, нужно было изменить достаточно точек, чтобы четверг потерял форму. Как старую рубашку, если распороть все швы. Может, завтра наконец будет пятница. Он попытался представить пятницу и понял, что не помнит, как она выглядит. Глупо. Но после трёх четвергов любой другой день начинает казаться экзотической страной, куда визу дают только честным людям.

Он заснул с телефоном в руке.

В семь двенадцать утра телефон лежал на полу экраном вверх.

«Оплатить интернет».

Илья не открыл глаза сразу. Он уже услышал дождь. Уже почувствовал комнату. Уже знал, где стоит кружка. И от этого знания в нём что-то не выдержало. Не взорвалось. Не закричало. Просто тихо треснуло, как та самая кружка, которую он вчера выбросил, а сегодня она снова ждала его на подоконнике.

Он повернул голову.

Кружка стояла там.

Чистая. Пустая. С трещиной у ручки.

Телефон дрогнул.

Денис написал в 6:48.

Мать звонила в 6:59.

Марина прислала голосовое на сорок две секунды.

В переписке с Кириллом последним снова было старое: «Ты живой вообще?»

Илья лежал неподвижно и смотрел в потолок. Потом медленно сел, взял телефон и открыл заметки. Вчерашней записи «ЧЕТВЕРГ СУКА» не было. Видео не было. Фотографий не было. Блокнот, он уже знал, снова будет чистым.

Он засмеялся. Тихо. Очень плохо.

— Ага, — сказал он пустой комнате. — Значит, ты не про поступки.

За окном дождь полз по стеклу, как будто ничего не слышал.

Глава 4. День, прожитый хуже первого

На четвёртый четверг Илья не стал вставать сразу. Он лежал на спине, смотрел в потолок и слушал, как дождь трёт город мокрой тряпкой. Телефон светил на полу, как маленький доносчик. Семь двенадцать. Интернет. Денис. Мать. Марина. Кирилл. Кружка на подоконнике. Треснутая, чистая, вечная, будто в ней хранили не чай, а доказательство, что вселенная умеет издеваться через посуду. Илье хотелось взять её и разбить об стену. Не выбросить, как вчера. Не аккуратно положить в мусор, где она послушно исчезнет до следующего утра. А разбить. Чтобы осколки влетели в штукатурку, чтобы ручка отлетела под батарею, чтобы на полу осталась грязная, настоящая, необратимая керамическая смерть.

Он сел. Взял кружку. Подержал. Трещина у ручки была тонкая, коричневатая, похожая на старую вену. Илья вдруг подумал, что эта кружка стала его родственницей. Каждый день она возвращалась на своё место, независимо от того, что он с ней делал. В этом было что-то почти семейное. Мать тоже всегда возвращалась на своё место в разговоре. Денис — в своё. Марина — в своё. Кирилл — в старое сообщение. Даже он сам, судя по всему, каждое утро возвращался в роль человека, который не успел родиться до конца.

— Ладно, — сказал он кружке. — Сегодня без символизма.

Он поставил её обратно на подоконник.

Если день повторялся не из-за поступков, значит, дело было не в том, что он делал. Или не только в этом. Может быть, нужно было сломать не маршрут, а сам механизм. Илья не знал, как ломают время. В интернете об этом писали в основном люди, которые также продавали курсы по денежному мышлению и свечи ручной работы. Поэтому он решил начать с простого: не проживать день, а использовать его. Если завтра всё обнулится, значит, можно проверить всё, что раньше было нельзя. Можно сказать Денису правду без последствий. Можно не идти на работу. Можно позвонить Марине и вывалить всё сразу. Можно написать Кириллу так, будто стыд — это налог, а не пожизненный приговор. Можно купить себе идиотски дорогой завтрак. Можно, наконец, не изображать взрослого человека, потому что взрослый человек, как выяснилось, был плохо прописанным персонажем в неработающем календаре.

Эта мысль дала ему странный заряд. Не радость. Скорее злую бодрость. Как у человека, который понял, что дверь закрыта, но стены сделаны из гипсокартона.

Он поднял телефон и сразу написал Денису: «Нет. И вообще, Денис, ты охренел уже со своими “немного поправить”. Сам поправь». Прочитал. Усмехнулся. Палец завис над кнопкой отправки. В груди было горячо. Он представил лицо Дениса. Представил, как тот сначала не верит, потом перечитывает, потом пишет: «Ты в порядке?» Конечно, в порядке, Денис. Впервые за долгое время человек в порядке, потому что перестал быть бесплатным приложением к твоему хаосу. Илья нажал отправить.

Сообщение ушло.

Он ждал удара молнии. Не было. Только чайник на кухне щёлкнул сам по себе — он даже не включал его, просто старый пластик решил поучаствовать в драме. Илья засмеялся. Громко. Неприятно. В квартире смех прозвучал как чужой звонок в домофон.

Мать позвонила в 6:59. Он взял сразу.

— Мам, я жив, не болен, витамины не пью, давление не мерил, кофе натошак выпью специально, чтобы ты не думала, что контролируешь хотя бы эту часть моей биографии.

Пауза была такая долгая, что Илья успел почувствовать, как внутри поднимается старая вина. Но сегодня он решил с ней не церемониться. Вина, как и всё остальное, обнулится завтра. Пусть тоже погуляет.

— Ты пил? — спросила мать.

— Нет. К сожалению.

— Илья, что происходит?

— Четверг происходит, мам. Уже не первый раз.

— Что?

— Ничего. Это я так. Проверяю акустику собственной жизни.

— Ты издеваешься надо мной?

— Немного.

Он ожидал вспышки, обиды, длинной речи про мать, сердце и сыновнюю неблагодарность. Но мать вдруг сказала совсем другим голосом:

— Ты меня пугаешь.

И это сработало мгновенно. Не как довод. Как ножом по связке. Илья уже открыл рот, чтобы продолжить свой маленький бунт, но голос матери был не контролирующим, не обиженным, а старым. Испуганным. Таким, каким она звонила ему в детстве из поликлиники, когда задерживалась, а он сидел дома с остывшей гречкой и телевизором, где какие-то взрослые люди весь день убивали друг друга в сериалах.

— Мам, — сказал он тише.

— У тебя правда всё нормально?

Он хотел сказать «да». Старая кнопка стояла под пальцем. Но сегодня он специально ломал кнопки.

— Нет.

— Что случилось?

— Не могу объяснить.

— Ты заболел? У тебя что-то с работой? С Мариной? С деньгами?

Она перечисляла варианты катастроф так быстро, будто держала их в отдельном ящике и давно ждала случая разложить на столе. Вот в этом была вся Вера Павловна: любовь в форме инвентаризации бедствий. Её нельзя было полностью ненавидеть. Это было бы слишком просто. Она не пыталась его мучить. Она пыталась заранее найти дырку в лодке, потому что сама всю жизнь плыла на доске, которую называла стабильностью.

— Мам, я правда потом позвоню, — сказал он. — Только не сейчас.

— Ты всегда потом.

Фраза была короткая, а попала под рёбра. Он уже хотел ответить резко, но не смог. Потому что это была не манипуляция. Не только. Это была правда. Он всегда потом. Потом объяснит. Потом приедет. Потом поговорит нормально. Потом начнёт жить. Потом будет сыном не по расписанию тревоги, а по любви. Потом, когда станет легче. Потом, когда у него самого будет на что опереться. Потом, когда четверг наконец закончится.

— Да, — сказал он. — Я знаю.

Мать молчала. Потом тихо сказала:

— Поешь хотя бы.

Он закрыл глаза.

— Поем.

— Не ври.

И отключилась.

Илья сидел на краю кровати с телефоном в руке и чувствовал, как его злой заряд уже дал трещину. Он хотел устроить революцию, а получил мать, которая сказала «не ври» так, будто знала про него больше, чем он собирался сегодня признавать. Это раздражало. Даже в личном временном аду люди умудрялись быть настоящими. Никакой дисциплины.

Он всё равно решил продолжать.

На работу он не пошёл. Впервые за долгое время просто не пошёл. Написал в общий чат: «Сегодня меня не будет». Без объяснений. Потом выключил уведомления. Телефон сразу стал легче, как будто из него вынули Дениса. Илья принял душ, побрился кое-как, порезал

подбородок, наклеил кусок туалетной бумаги и посмотрел в зеркало. Человек в отражении выглядел не свободным, а подозрительно безработным. Он надел чистую рубашку, потом снял. Слишком прилично. Надел старую тёмную футболку и куртку. Вышел из дома без зонта.

Дождь встретил его с удовольствием.

У метро мальчик ещё не пришёл. Илья не стал ждать. Сегодня ему было не до зверя. Эта мысль царапнула — не до зверя, как будто зверь был обязанностью. Вчера он казался символом жизни, сегодня — повторяющейся точкой в маршруте. Петля быстро превращает даже чудо в расписание. Наверное, поэтому люди и устают от собственной жизни: не потому что в ней нет чудес, а потому что они уже знают, где эти чудеса стоят и каким голосом будут просить не опаздывать в сад.

Он пошёл не в метро, а в кофейню, куда обычно не заходил из-за цен и людей с ноутбуками, у которых лица были такие, будто они создали минимум три стартапа и одно расстройство пищевого поведения. Заказал самый дорогой завтрак в меню. Что-то с авокадо, семенами, микрозеленью и хлебом, который выглядел как строительный материал для богатых. Девушка за стойкой спросила:

— Кофе какой?

— Самый вредный для сна.

Она подняла глаза.

— Раф?

— Пусть будет раф. Если день не закончится, я хочу хотя бы быть сладким идиотом.

Девушка улыбнулась неуверенно. Илья сел у окна. Ему принесли тарелку, на которой еды было мало, но она лежала с уверенностью экспоната. Он съел всё за пять минут и не почувствовал ничего, кроме того, что потратил слишком много денег на зелёную пасту, которая называла себя завтраком. Но в этом тоже было что-то новое. Он не пытался быть разумным. Не выбирал самый практичный вариант. Не считал, сколько раз можно было купить гречку за эти деньги. Просто сделал глупость. Маленькую. Дорогую. Обнуляемую.

В телефоне висели непрочитанные сообщения. Он включил уведомления. Денис написал шесть раз. Последнее: «Я не понял, что это было, но поговорим завтра». Илья хмыкнул. Завтра, Денис. Отличное слово. Самое смешное слово на свете. После него в списке — «стабильность», «немного поправить» и «всё нормально».

Марина прислала своё голосовое. То же самое. Он ещё ни разу его не слушал полностью в этом цикле. Каждый раз голосовое было как граната, которую он перекладывал из кармана в карман. Сегодня он решил: хватит. Нажал воспроизведение.

Сначала был шум улицы. Потом её вдох.

— Илья, я не знаю, зачем записываю голосом. Наверное, чтобы ты услышал, что я не злюсь. Хотя я злюсь. Но не так, как ты думаешь.

Он замер. Голос был уставший, тёплый, без той стальной гладкости, с которой она говорила в кафе и на набережной.

— Я не хочу снова приходить к разговору, где ты будешь хорошим и виноватым. Мне от этого ещё хуже. Я не хочу, чтобы ты просил прощения так, будто это способ вернуть всё назад. Я хочу понять, есть ли там кто-то. За твоим «я постараюсь», за твоим «как тебе будет лучше», за твоим «я всё понимаю». Если есть — давай поговорим. Если нет... наверное, хватит.

Голосовое закончилось. Сорок две секунды. Он сидел в дорогой кофейне с крошками элитного хлеба на тарелке, а внутри у него было ощущение, что кто-то аккуратно снял крышку с кастрюли, где много лет варилось что-то вонючее и домашнее. Она не просила его стать идеальным. Не просила исправиться. Не просила научиться говорить терапевтическими словами, которые звучат как ремонт человеческих отношений по гарантии. Она спрашивала: есть ли там кто-то?

И это было хуже, чем «я устала». Потому что «я устала» ещё можно было встретить привычной виной. А «есть ли там кто-то?» — это уже не претензия. Это перепись населения в его внутренней пустыне.

Он написал ей: «Есть». Посмотрел. Стер. Слишком красиво. Написал: «Я не знаю. Но, кажется, сегодня я впервые тоже хочу это выяснить». Отправил. Потом вспомнил, что день всё равно может обнулиться, и разозлился. Какой смысл в честности, если завтра её снова не будет? Зачем произносить настоящие вещи в комнате, где утром все записи стирают? Он вдруг почувствовал себя актёром в спектакле для пустого зала. Только зритель — он сам, и тот уже устал хлопать.

Марина ответила через десять минут: «Вечером?»

Он написал: «Нет. Сейчас».

Она долго не отвечала. Потом: «Я на работе».

«Я подъеду. На пять минут. Без сцены».

Ответ: «Илья, это уже сцена».

Он усмехнулся. Она была права. Любая попытка тревожного человека срочно исправить жизнь немедленно превращается в сцену. Он как пожарный, который приезжает тушить свечку с сиреной, пеной и бригадой свидетелей.

Он всё равно поехал.

Офис Марины находился в стеклянном здании, где всё было сделано так, чтобы человек чувствовал себя чуть дешевле интерьера. Внизу — охрана, турникеты, кофейня с выпечкой, которую никто не ел, потому что все были заняты имитацией контроля. Илья написал: «Я внизу». Ответа не было. Он сел на диван у стены. Рядом два мужчины обсуждали «перенос стратегического окна» и «эмоциональную рамку команды». Илья слушал их и думал, что взрослые люди изобрели потрясающее количество слов, чтобы не говорить: мы боимся, мы устали, мы хотим денег и чтобы нас не трогали.

Марина спустилась через восемнадцать минут. Без пальто. В белой рубашке, с бейджем на шее, который делал её частью мира, куда Илья пришёл не по приглашению. Она выглядела раздражённой и обеспокоенной. Не лучшая смесь для романтического возрождения.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего.

— Тогда зачем ты приехал?

Илья открыл рот и вдруг понял, что не знает. Точнее, знает. Он приехал не к ней. Он приехал за доказательством, что честность работает. Что если он нажмёт на правильную кнопку, живой человек напротив выдаст правильную реакцию. Обнимет. Поймёт. Скажет: «Вот ты где». Поставит печать: найден. Петля пройдена.

Марина смотрела на него. Реальная, уставшая, на работе, с незаконченными делами. Не функция его спасения. Не персонаж его четверга. Женщина, которую он своими срочными прозрениями опять выдернул из её жизни.

— Я хотел поговорить сразу, — сказал он. — Потому что вечером я опять...

Он остановился.

— Что вечером?

Он не мог сказать: вечером может быть поздно, потому что ночью всё исчезнет. Это звучало не как правда, а как повод вызвать специалиста.

— Я испугался, что отложу, — сказал он.

Марина вздохнула.

— И решил не откладывать так, чтобы мне пришлось бросить работу и спуститься к тебе?

Он почувствовал, как обида вспыхивает мгновенно. Вот. Он приехал. Он старается. Он не исчезает. А она недовольна. Внутренний кассовый аппарат снова ожил, мерзко дзынькнул.

Поездка через город — плюс один. Честное сообщение — плюс два. Унижение у стойки охраны — плюс три. Где награда?

Илья увидел этот счёт почти физически. Как бумажную ленту из старого аппарата, вылезающую из груди. И ему стало тошно.

— Да, — сказал он. — Ты права. Это было не про тебя. Это было про мою панику.

Марина моргнула. Такой ответ, кажется, не входил в её ожидания.

— Спасибо, — сказала она осторожно.

— Не за что. Я пойду.

— Илья.

Он остановился.

— Ты правда странный сегодня.

— Знаю.

— Ты в безопасности?

Вопрос был простой. И неожиданный. Он вдруг понял, что Марина не только злится и устала. Она ещё и боится за него. А он в своей великой петлевой трагедии снова почти сделал её декорацией. Даже заботу человека можно не заметить, если слишком занят собственной внутренней пресс-конференцией.

— Да, — сказал он. — Физически точно.

— А не физически?

Он усмехнулся.

— Там сложнее.

— Позвони кому-нибудь.

Он хотел сказать: я пытался Кириллу, но каждый раз утро делает вид, что я не пытался. Вместо этого кивнул.

— Позвоню.

— Не мне сейчас, — добавила она мягко. — Кому-то ещё.

Это было больно. И правильно.

На улице дождь усилился. Илья шёл без зонта, куртка намокла, волосы прилипли ко лбу. Впервые за эти четверги он почувствовал злость не на Дениса, не на мать, не на Марину, не на время, а на себя. Не привычную злость, которая быстро превращалась в саможалость и требовала, чтобы её погладили. А грубую, неприятную, почти полезную. Он увидел, как легко даже попытку быть честным превратил в новый способ получить любовь. Как быстро из «я хочу быть настоящим» сделал «смотрите, я настоящий, теперь дайте мне обратно всё, что я потерял».

У метро мальчик уже ушёл. На стекле не было зверя. Только размазанный пар и следы пальцев. Илья посмотрел на пустую витрину и почувствовал, что сегодня предал даже эту маленькую сцену. Не потому что обязан был спасать всех детей с рисунками. А потому что утром решил: сегодня не до зверя. Сегодня у меня большая личная катастрофа. Взрослый человек всегда найдёт уважительную причину пройти мимо чужой живости. Особенно когда его собственная живость лежит в коме.

Он достал телефон и открыл переписку с Кириллом. Старое «Ты живой вообще?» смотрело на него без мигания. Он нажал вызов. Не сообщение. Звонок. Это было почти неприлично. Люди теперь звонят только по работе, из банков, из больниц и когда уже совсем плохо. Дружеский звонок после трёх лет молчания — это как заявиться к человеку домой с баяном и анализами.

Гудки шли долго. Потом голос:

— Алло?

Илья замер. Кирилл. Живой. Не текст. Не память. Не старый гвоздь. Голос. Чуть ниже, чем раньше. Усталый. Настоящий.

— Кир, привет.

Пауза.

— Кто это?

Вот так. Прекрасно. Три года молчания — и тебя уже нужно подписывать заново.

— Илья.

Ещё пауза. В ней успело пройти всё: кухни, дешёвые мандарины, ночные разговоры, неотвеченные сообщения, стыд, самодовольные мысленные письма, которые он так и не отправил.

— Ого, — сказал Кирилл. — Археология.

Илья неожиданно улыбнулся. Это был его Кирилл. Даже обида у него умела шутить, не снимая ботинок.

— Да, — сказал Илья. — Раскопали мудака.

— С чем обязан?

— Ни с чем. Я... — Он остановился. Все красивые фразы столпились у выхода. «Я хотел извиниться». «Я многое понял». «Я был не прав». «Мне жаль». Всё это было нужно, но звучало как готовые блоки для письма бывшему другу, версия 3.2. — Я не знаю, как нормально начать.

— Тогда начни ненормально.

Илья прислонился к стене у метро. Мимо шли люди, мокрые, злые, живые. Кто-то толкнул его плечом. Он не отреагировал.

— Я, кажется, застрял в одном дне, — сказал он.

Кирилл молчал.

— Повтори.

— Я застрял в одном четверге.

— Ты пьян?

— Нет.

— Под веществами?

— Нет.

— Секта?

— Пока только корпоративная.

Кирилл тихо хмыкнул.

— Ладно. Допустим, ты не звонил мне три года, потому что был занят путешествиями во времени.

— Нет. Я не звонил, потому что мне было стыдно. А потом чем больше было стыдно, тем сложнее было звонить. А потом я сделал вид, что это уже невозможно. А теперь звоню, потому что, возможно, завтра это всё исчезнет, и мне надо хотя бы один раз сказать живому тебе, что я был мудаком.

На этот раз Кирилл молчал долго. Не театрально. Просто молчал. Илья слышал в трубке какой-то фон: улицу, ветер, может быть, машины. Или свою кровь в ушах.

— Ну, — сказал Кирилл наконец. — Мудаком ты был, это да.

Илья закрывал глаза. От этих слов почему-то стало легче. Не потому что его простили. А потому что хотя бы не обманули.

— Я знаю.

— Не уверен.

— Почему?

— Потому что ты всегда хорошо знал словами. А потом исчезал телом.

Фраза была не хуже Марининых. Видимо, люди вокруг давно ходили с точными ножами, просто Илья держался от них на расстоянии вытянутой вежливости.

— Справедливо, — сказал он.

— Что тебе надо, Илья?

Вот он, вопрос. Он возникал сегодня у всех. У Дениса — «что за дела?», у Марины — «зачем ты приехал?», у Кирилла — «что тебе надо?» Люди, оказывается, не против твоего существования. Они просто хотят понять, не используешь ли ты их снова как стенку, об которую собираешься ударить свою тревогу.

— Ничего, — сказал Илья. Потом понял, что это ложь. — Нет. Вру. Я хочу, чтобы ты меня не послал сразу. Но понимаю, если пошлешь.

— Вот это ближе.

— И хочу встретиться. Не сегодня. То есть сегодня, конечно, но...

Он запутался. Время в разговоре с живым человеком оказалось гораздо сложнее, чем в фантастической петле.

— Илья, — сказал Кирилл, — я сейчас в другом городе.

— Что?

— Я переехал год назад. Ты бы знал, если бы иногда читал не только свой внутренний некролог.

Илья открыл рот. Закрыл. В прошлых циклах Кирилл предлагал кофе «завтра» — но это было в сообщениях, которые потом исчезали. Сейчас реальный Кирилл оказался в другом городе. Петля не просто повторяла день. Она ещё и подсовывала ему иллюзии будущего, которых не было. Или он сам подсовывал. Вчерашний ответ Кирилла с кофе мог быть таким же экспериментом дня, как и всё остальное: если написать — получишь реакцию. Но она не закрепится. А настоящая жизнь сложнее. Человек мог переехать. Устать. Измениться. Не ждать у старого столика с мандаринами, пока Илья созреет быть другом.

— Я не знал, — сказал он глупо.

— Конечно.

— Прости.

— Не делай из этого коврик.

— Что?

— Ты сейчас скажешь «прости» так, чтобы я тебя поднял с пола. Не хочу. Ты взрослый. Полежи сам.

Илья засмеялся. Потом вдруг почувствовал, что может заплакать. Не красиво. Не от катарсиса. Просто от того, что друг, которого он почти похоронил собственным стыдом, разговаривал с ним живее всех. Даже обидно разговаривал. Даже без скидки. И это было больше похоже на близость, чем все его аккуратные попытки никого не задеть.

— Ладно, — сказал он. — Полежу.

— У тебя правда что-то хреновое?

— Да.

— Ты себе не навредишь?

Второй человек за день спросил про безопасность. Илья почувствовал странное раздражение: ну вот, пожалуйста, стоило стать честнее, и все сразу начали проверять, не собираешься ли ты умереть. Но за раздражением была благодарность, которую он не умел нормально держать в руках.

— Нет, — сказал он. — Не наврежу.

— Тогда напиши мне вечером. Одно сообщение. Без романа.

— Хорошо.

— Илья.

— Да?

— Если завтра опять будет четверг, всё равно позвони.

Илья замер.

— Ты мне веришь?

— Нет. Но ты так уверенно несёшь чушь, что я заинтригован.

Связь оборвалась не драматично — просто поезд в метро заглушил половину мира. Илья стоял у входа, мокрый насквозь, с телефоном в руке, и впервые за день не знал, что делать дальше. План «сломать четверг» развалился. План «использовать день» тоже. Все его эксперименты приводили к одному и тому же: люди не становились кнопками. Марина не выдала награду. Кирилл не стал старым Кириллом из кухни. Мать не превратилась в понимающую женщину из чужой книги. Денис не исчез как злодей после правды. Даже мальчик со зверем мог уйти, если ты решил, что сегодня не до него.

Вечером Илья вернулся домой без сил. Он не открыл ноутбук. Не стал проверять, что там написал Денис. Не стал искать в интернете «петля времени психологическое значение» и «как выйти из повторяющегося дня без регистрации и смс». Он снял мокрую одежду, бросил её на стул и сел на пол у батареи. Батарея была едва тёплой. Как вся забота в этой квартире: формально присутствует, фактически спорно.

Он достал блокнот. Чистый лист. Сегодня он не писал в обед. Значит, лист всё ещё был пустой. Он взял ручку и написал: «Я пытался использовать день, как инструмент. День использовал меня обратно». Посмотрел. Нормально. Даже слишком нормально. Хотел зачеркнуть, но не стал. Ниже написал: «Люди не кнопки». Потом: «Я тоже». Последняя фраза вышла неожиданно. Он смотрел на неё долго.

Я тоже не кнопка.

Странно, как человеку иногда нужна фантастическая петля времени, чтобы сформулировать мысль уровня коврика в прихожей. Он не кнопка. Не кнопка для Дениса. Не кнопка тревоги матери. Не кнопка Марины, которая должна нажать и получить честного мужчину. Не кнопка Кирилла, которая после трёх лет молчания выдаст старую дружбу. И даже не собственная кнопка, которую можно нажать через правильное действие и выйти в пятницу.

Он закрыл блокнот. В 23:40 пришло сообщение от Кирилла: «Ну? Живой путешественник?»

Илья написал: «Живой. Хреново. Но живой».

Ответ пришёл почти сразу: «Годится».

Всего одно слово. Никакой поэзии. Но Илья почему-то положил телефон рядом с собой экраном вверх и не стал больше ничего добавлять. Пусть одно слово полежит. Пусть не надо будет срочно превращать его в большую сцену, объяснение, исповедь, возврат близости. Пусть «годится» просто будет. Иногда этого больше, чем все попытки починить человека до блеска.

Перед сном он подошёл к окну. Кружка стояла на подоконнике. Он не тронул её. Капля дождя ползла по стеклу, та самая или просто похожая. Илья провёл пальцем по холодному стеклу изнутри, оставив мутную полоску. Завтра, если оно снова окажется четвергом, полоски не будет. Как не было записей, звонков, отказов, сообщений. Всё исчезнет. Всё, кроме него, который помнил.

И вдруг это показалось не только наказанием. Ещё и ответственностью. Самой мерзкой из возможных: никто не сохранит за него то, что он понял. Никто не положит его честность в архив. Никто не выдаст справку, что вчера он был чуть живее. Утро всё обнулит снаружи, но внутри что-то оставалось. Не подвиг. Не просветление. Осадок. А может, именно из осадка и делают человека, если перестать сливать его в раковину.

Он лёг в 00:26. Не надеялся. Это было новым. Надежда у него всегда была шумной, требовательной: ну давай, я же старался, дай результат. Сейчас он просто устал. Тело лежало тяжело, как мокрая куртка. В голове крутились лица: мать, мальчик, Денис, Марина, Кирилл. Не как уровни игры. Как люди. Неприятно живые, отдельные, не обязанные быть ключами от его двери.

В семь двенадцать телефон снова лежал на полу.

«Оплатить интернет».

Илья открыл глаза. Дождь. Кружка. Четверг.

Он сел, взял телефон и не стал смеяться. Не стал материться. Не стал фотографировать комнату, проверять календарь, швырять кружку, писать Денису гадости. Просто сидел и слушал своё сердце. Оно стучало устало, но ровно. Как рабочий, который пришёл на смену, хотя начальство идиоты.

Через минуту пришло сообщение Дениса.

Через одиннадцать — мать.

Голосовое Марины висело на месте.

Кирилл снова был трёхлетним гвоздём.

Илья посмотрел на всё это и впервые подумал не «как выбраться», а «где именно я снова исчезну, если не буду смотреть».

Потом встал и пошёл умываться.

Глава 5. Тело, которое он не взял с собой

На пятый четверг Илья не потянулся к телефону. Это было маленькое, почти жалкое достижение, но в его нынешнем положении даже не схватить светящийся прямоугольник на полу уже считалось гражданским подвигом. Телефон лежал там же, где и всегда, экраном вверх, с напоминанием про интернет, с Денисом в 6:48, с матерью в 6:59, с Марининым голосовым, с Кириллом, застрявшим три года назад в фразе «Ты живой вообще?». Всё это лежало на расстоянии вытянутой руки. А Илья лежал на спине и впервые за все эти четверги смотрел не в экран, не в потолок, не в свою внутреннюю доску объявлений с катастрофами, а куда-то под кожу.

Тело было там.

Не идея тела, не абонемент в зал, купленный однажды в приступе февральского оптимизма, не заметка в телефоне «начать ходить 8000 шагов», не магний без упаковки на кухонном столе, не умные слова про стресс, которые он иногда читал, пока жевал на ночь бутерброд над раковиной. Настоящее тело. Тяжёлое, тёплое, помятое, недовольное. Лопатка ныла. Шея была деревянная. В животе лежал ком, как мокрая тряпка после уборки чужой квартиры. Сердце стучало не быстро, но громко, с упрямством работяги, которого опять поставили в ночную смену без доплаты. Во рту пересохло. Большой палец на ноге неприятно зудел — совершенно несимволично, тупо, как будто даже тело устало от больших метафор и решило напомнить о себе через палец. Привет, хозяин. У тебя тут ещё есть конечности, если интересно.

Илья понял, что почти никогда не просыпался в теле. Он просыпался сразу в задачах. В сообщениях. В чужих ожиданиях. В тревоге. В расписании. В аккуратной мясорубке взрослого утра, где человек ещё не успел открыть глаза, а уже кому-то должен: ответить, оплатить, перезвонить, успокоить, не опоздать, не подвести, быть нормальным, не выглядеть слабым, не забыть купить хлеб, не сказать лишнего, не умереть между делом. Тело в этой системе было чем-то вроде дешёвой машины такси: довези, потерпи, потом помоем. Потом. Когда-нибудь. После проекта. После разговора. После того, как станет легче. Самое смешное, что легче всё никак не становилось, а машина уже давно ехала на запахе бензина и человеческой глупости.

Он сел медленно. Не как раньше — рывком, с ненавистью к утру, будто оно виновато, что он не умеет жить. Сел и сразу заметил, как неприятно потянуло поясницу. Поясница была не философом. Она не говорила: «Илья, ты предал свои границы». Она говорила: «Ты вчера, позавчера, три года и вообще всю жизнь сидел как креветка над чужими дедлайнами, теперь получай». Очень честный орган, поясница. Без диплома, зато по делу.

Телефон погас. Комната стала темнее. За окном дождь лепился к стеклу, город стоял серый и мокрый, похожий на человека, которого слишком рано подняли на работу. Кружка с трещиной всё так же стояла на подоконнике. Илья посмотрел на неё и впервые не испытал желания ни разбить, ни выбросить, ни превратить в символ. Пускай стоит. У каждого в этой квартире, видимо, была трещина и привычка возвращаться на место.

Он встал. Босые ступни коснулись пола. Холодный. Настоящий. Не тревожный, не метафизический, не повторяющийся, а просто холодный пол, который плевать хотел на его петлю времени. Илья сделал два шага и остановился. Голова чуть закружилась. Не сильно. Так, на полтона. Он поймал себя на том, что уже готов сказать: «Да нормально». Даже не вслух. Автоматически. Как пароль. Но сегодня он решил слушать не пароль, а то, что под ним.

Ненормально, подумал он. Мне хреново. Не смертельно. Не драматично. Просто хреново.

От этой мысли мир не рухнул. Никто не выбежал с сиреной. Мать не материализовалась с витамином Д. Денис не написал: «Если тебе хреново, можешь всё равно немного поправить?». Хотя мог бы, конечно. Но внутри стало чуть тише. Не легче, нет. Легче было бы слишком щедро. Просто тише. Как будто тело, наконец услышав, что его не собираются снова затыкать словом «нормально», перестало долбить кулаком по двери.

В ванной он не стал сразу умываться ледяной водой. Встал перед зеркалом. Смотрел. Лицо было то же: тёмные вьющиеся волосы, щетина, тени под глазами, нос, который всегда выглядел так, будто принимал решения отдельно от остального лица, губы, сжатые в привычную линию человека, заранее готового извиниться за своё присутствие. Только сегодня он заметил не лицо, а усталость в лице. Она была не настроением, а слоем. Как пыль на шкафу. Её можно было не видеть годами, если не проводить пальцем.

Он провёл ладонью по щеке. Кожа шершавая. Под пальцами — маленький порез от вчерашнего или позавчерашнего бритья, которое в этом дне ещё не случилось, но тело, похоже, помнило всё лучше календаря. Или это был другой порез, из обычной жизни, до четверга. Какая разница. На нём давно были следы дней, которые он сам не считал важными.

— Ладно, — сказал он своему отражению. — Сегодня хотя бы не будем делать вид, что ты просто плохо выпался.

Отражение не ответило. Умный человек.

На кухне он впервые не включил чайник автоматически. Сначала налил воды в стакан. Настоящей воды, не чая, не кофе, не чего-то, что можно пить на бегу, притворяясь, что забота о себе — это жидкость с кофеином. Вода была противно обычная. Он пил её маленькими глотками и чувствовал, как тело принимает её без благодарности, как сотрудник, которому годами не платили зарплату, а потом принесли печенье. Спасибо, конечно, но где вы были раньше, начальник.

Потом он открыл холодильник. Там лежал один огурец в состоянии лёгкой депрессии, пачка творога с датой, к которой лучше не присматриваться, лимон, купленный для красивой жизни, и контейнер с чем-то, что когда-то было гречкой и теперь приобрело взгляд. Илья закрыл холодильник. Открыл снова. Нет, всё правда. Взрослый человек, который пытается разобраться с петлёй времени, не способен разобраться с ужином на два дня. Космическая проблема, конечно, серьёзная, но плесень в контейнере смотрела на него с таким видом, будто знала: брат, всё начинается с малого.

Он выбросил гречку. Без символов. Просто потому что она уже могла голосовать. Потом сварил овсянку. Ненавидел овсянку. Она была похожа на еду, которую придумали для людей, виноватых перед собой. Но сегодня он не стал превращать завтрак в проект удовольствия или наказания. Просто сварил. Добавил соль. Съел. Медленно. Первые три ложки были унылыми. На четвёртой стало ясно, что он, возможно, не ел нормально вчера, позавчера и вообще много лет. Он закидывал в себя что-то между делом, как монеты в автомат, надеясь, что тело выдаст бодрость, мозг, улыбку и способность быть полезным. Автомат барахлил. Он злился на автомат. А автомат, кажется, просто хотел нормальной еды и чтобы его иногда выключали.

Телефон зазвонил. Мать. Илья посмотрел на экран, потом на тарелку с овсянкой. Обычно он взял бы сразу или сбросил бы сразу, оба варианта были формой подчинения. Сегодня он прожевал. Проглотил. Допил воду. Только потом взял.

— Мам, привет.

— Ты проснулся? Я звонила.

— Проснулся. Я ем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.